

№3
Март 2013

Т УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный
www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3⁽⁸⁹⁾
Март 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЮМОРА
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 9 ПОВОРОМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ
НИНА ШАДУРИ
- 13 АГНЕЦ БОЖИЙ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16 РАССКАЗЫ
АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ
- 18 ГОВОРИМ – ТЕННИС, ПОДРАЗУМЕВАЕМ – МЕТРЕВЕЛИ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 22 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 28 ПУТЬ В БЕССМЕРТИЕ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 30 В ОЖИДАНИИ ДАТО
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 34 МАРТОВСКИЕ ПРИЧУДЫ И НЕ ТОЛЬКО
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 36 ПО ЗАКОНАМ ЛЮБВИ
ИРИНА АЛЕКСЕЕВА
- 38 ИСПЫТЫВАЮ СЧАСТЬЕ
ТИНА ВЛАДИ
- 40 ЕСТЬ МНОГО ЗВУКОВ В СЕРДЦА ГЛУБИНЕ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 42 СТИХОТВОРЕНИЯ
ЭЛИНА УРУМОВА
- 44 ЧЕТЫРЕ СОБЫТИЯ ОДНОГО ГОДА
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 47 МНОГОУМЕЩАЮЩИЙ АНГЕЛ
ВАХТАНГ БУАЧИДЗЕ
- 50 ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ
- 52 ЧЕХОВ НАЧИНАЛСЯ ЗДЕСЬ
ЕЛЕНА НАЦВЛИШВИЛИ
- 54 ТАКИЕ ЛЮДИ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

На обложке – Весна идет!
Фото *Александра Сватикова*

ОТ ДО

ДЕНЬ ПАМЯТИ ЦАРЕЙ

▲ Первый из Романовых

400 лет Дому Романовых

В марте исполняется четыре столетия одной из самых знаменитых монарших династий в мире – российскому императорскому Дому Романовых. И тот факт, что никто из этой семьи не правит Россией уже 96 лет, не умаляет исторического значения этой даты. В далеком 1613 году, а именно 3 марта или 21 февраля по старому стилю, Земский Собор присягнул 16-летнему царю Михаилу Федоровичу Романову. Всего в династии за 304 года было 17 царей и императоров, не считая правительницы Софьи – старшей сестры Петра Великого. Род Романовых – это древний русский дворянский род. Основал его некий Андрей Ко-

была «из немцев» – приближенный великого московского князя Ивана Калиты. Этот предок Романовых установлен достоверно, а до него якобы был какой-то Гланда Камбила – потомок прусского короля, с чадами и домочадцами сбежавший на Русь, очевидно, от репрессий, еще к Александру Невскому. Было так или не было, но исторически установлено, что сначала Романовы были пришлыми чужаками. Кстати, и Романовыми они не были, их фамилии происходили когда-то от прозвищ – Кобыла, Кошка, Кошкины, Захарыны-Кошкины, Юрьевы-Захарыны, а Романовым стал только знаменитый митрополит Филарет, в миру Федор Никитич, отец первого царя из этой династии – Михаила Федоровича. За почти четыреста лет до воцарения Романовы окончательно обрусели. Но с того момента, как сели на российский престол, вновь стали потихонечку инородцами. Русские цари традиционно женились на принцессах-иноземках – простолюдинка и чужачка Марта Скавронская, ставшая императрицей Екатериной I, не в счет – она наследовала своему мужу царю-реформатору Петру Первому, который был изрядно чужд сословных предрассудков. Короче, к моменту пресечения династии в 1918 году в подвале Ипа-

▲ Последний из Романовых с семьей

тьевского дома в Екатеринбурге от пули уральских чекистов, в жилах ее последнего правившего представителя – Николая II было не больше 1/128 части русской крови. Но русские люди не зря считаются одними из самых толерантных к приезжим – покричать, что «понаехали тут», русский вполне может, но дальше этого редко что происходит. Пришедшие на Русь частенько становились своими, родными и самыми любимыми. Так было и с царями из Дома Романовых. Кстати, и предыдущая династия Рюриковичей тоже была не из русских, а из пришлых варягов.

«ХОЧУ ИГРАТЬ В ШАХМАТЫ»

Это были последние слова великого шахматиста Бобби Фишера – непобежденного шахматного короля. Конечно, формально он все же потерял высокое звание чемпиона мира, после отказа играть с молодым советским претендентом Анатолием Карповым. Но для всех почитателей древней игры, его имя осталось в ореоле славы и загадочности, настолько явной была его гениальность вкупе с исключительной экстравагантностью и капризностью. Его выходки и забавные реакции на игровые ситуации во время матчей обросли легендами и анекдотами. Однажды во время матча с Марком Таймановым произошел забавный случай – советский гроссмейстер надолго задумался, а потом пожертвовал пешку. На что Бобби, ни секунды не помедлив, сделал другой ход и в итоге победил. После, на вопрос журналиста неужели он успел столь глубоко просчитать позицию, что проигнорировал жертву, зная о том, какие от нее могут быть последствия, Фишер ответил: «Если человек так долго думал, а потом подставил пешку под бой, то ее брать просто нельзя».

Однако шахматисты всего мира ему благодарны еще и за то, что он научил их «выбивать» высокие гонорары за матчи, а также требовательно относиться к комфорту. Действительно, райдеры, которые он предоставлял организаторам учитывали все – от освещения и формы кресла, до того, с какой стороны от доски надлежит ставить стакан с апельсиновым соком.

Играть в шахматы он начал с шести лет, а в 14 лет стал самым молодым чемпионом США. Школу он так и не закончил, но у него была великолепная память и, чтобы читать шахматную литературу в оригинале, Фишер выучил много языков: немецкий, русский, испанский и сербскохорватский. 9 марта ему бы исполнилось семьдесят лет.

60 ЛЕТ БЕЗ СТАЛИНА

Как быстро Россия привыкла к свободе. Когда можно и свои мысли выразить в любой форме и «смело спорить, кто в верхах умный, кто дурак». А ведь было так не всегда! В разные века приходили править древней Русью и строгие правители, которые и кровушку не боялись пролить, и плетью угостить, и в Сибирь матушку сослать, а то и в «солнечный Магадан». И последним из тиранов был, конечно же, Иосиф Сталин – уроженец Грузии и недоучившийся семинарист. Этого кровавого диктатора, рекордсмена в русской истории по числу репрессированных, бо-

▲ С. Прокофьев

ялись еще много десятилетий спустя, после его смерти. Сейчас многие спорят о том, было ли правление Сталина благом для страны или ей во вред. Но, как говорили китайские мудрецы, об этом стоит поговорить лет через пятьсот, а пока прошло слишком мало времени. И сейчас в марте мы вспоминаем, что шестьдесят лет назад мир покинул генералиссимус Сталин, при котором и промышленность подняли, и войну выиграли, и атомной бомбой обзавелись, но и миллионы своих граждан были расстрелены или десятилетиями сидели по лагерям.

В день смерти отца народов умер еще один человек, ставший гордостью своей Родины – композитор Сергей Сергеевич Прокофьев, но этого тогда почти никто не заметил.

335-ЛЕТИЕ АНТОНИО ВИВАЛЬДИ

Его при жизни называли «Рыжий поп». По воспоминаниям современников, его волосы были ярко морковного цвета, а нос усыпан веснушками. А еще он был очень необычный, непосредственный и забавный. Девочки-сироты из музыкального приюта «Пьета», которых он опекал и обучал музыке и пению, в нем души не чаяли и всячески старались его побаловать чем-нибудь вкусным с уроков домоводства. И друзья его любили за надежность и верность – сохранились воспоминания, как он однажды с ножом защитил от побоев своего друга великого драматур-

га Карло Гольдони. Такая отвага не свойственна для поведения почтенного священника. Но что поделать и куда в жизни податься, как не в священники, если ты третий сын в семье простого цирюльника из темных сырых закоулков Венеции. Любила его и публика – мало на свете композиторов, писавших столь прекрасную и одухотворенную музыку, как величайший композитор Венеции Антонио Вивальди. Он с детства был скрипачем-виртуозом, как и его самоучка-отец, а серьезно с ним музыкой занимался по-видимому сам знаменитый Корелли – тут не осталось свидетельств, а только музыкальное влияние старшего мастера, жившего в те времена неподалеку, через два дома. Хорошего священника из Вивальди так и не получилось – слишком независимый характер, как бы сейчас сказали, недостойное поведение – любил выпить и женщин, а главное – это астма. С этим недугом он так и промучился всю жизнь. Зато он написал более 500 скрипичных концертов и 90 опер. Вивальди был знаменит на всю Европу и заработал кучу денег. Но все протратил – был щедр и непрактичен. Короче, светлый был человек, и оставил нам в наследство свои бессмертные «Времена года».

ЮБИЛЕЙ НИНО АНАНИАШВИЛИ

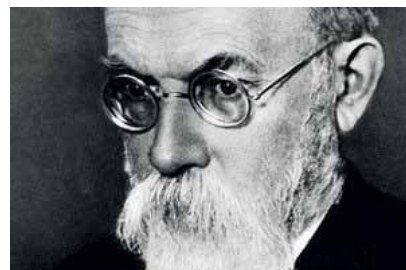
Эта изящная коренная уроженка Тбилиси, прославившая родной город далеко за пределами Грузии, начинала вовсе не балериной, а фигуристкой. И это в солнечной стране, где снег зимой не лежит больше, чем три-четыре дня. Но зато потом было Тбилисское хореографическое училище. А далее и обучение в хореографическом училище Большого театра под руководством известного педагога Натальи Золотовой. Еще в юности ее считали «беспорной суперзвездой классического балета». За шесть лет Нина Ананиашвили стала победительницей четырех крупных международных балетных конкурсов. В 1981 году ее приняли в труппу Большого театра, где она сразу стала одной из ведущих звезд. Через десять лет она стала еще и солисткой знаменитого Американского балета, выступая на сцене «Метрополитен-Опера». А также приглашенной солисткой в самых крупных национальных театрах Швеции, Норвегии, Португалии, Финляндии, Баварском

национальном балете, Гранд-балете Монте-Карло, Бирмингемском национальном балете, Бостонском балете, Токио балете и многих других. Она народная артистка Грузинской республики с 1989 года и Российской Федерации с 1995 года. Нина Ананиашвили стала первой балериной, награжденной российской национальной премией «Триумф» за выдающиеся заслуги в области искусства хореографии, а также Государственной премией Грузии за выдающийся вклад в грузинскую культуру.

ЭТОТ ВЕЛИКИЙ ВЕРНАДСКИЙ

12 марта 1863 года в Санкт-Петербурге в дворянской семье родился Владимир Вернадский. С его именем связано развитие целого комплекса наук о Земле – геохимии, биогеохимии, радиогеологии, гидрогеологии и других. Выпускник физического факультета Петербургского университета, он был почитаем всеми правительствами в разные годы и был последовательно академиком Российской империи, России и советской России. Его родители профессор-экономист Иван Вернадский и первая российская женщина-политэкономист Мария Вернадская, урожденная Шигаева, дали ему фундаментальное образование и привили широчайший кругозор. Этот кругозор, вкупе с талантом и позволили ему разработать целостное учение о биосфере – живом веществе,

организующем земную оболочку. А также теорию эволюции биосферы в ноосферу, в которой человеческий разум, его деятельность и научная мысль становятся определяющим фактором развития, мощной силой, сравнимой по своему воздействию на природу с геологическими процессами. Учение Вернадского о взаимодействии природы и человечества оказало сильное влияние на научные воззрения ученых XX века, а также составило теоретическую основу науки экологии.

Роб АВАДЯЕВ

▲ Алла Сурикова

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЮМОРА

Алла Сурикова, известный российский кинорежиссер, автор фильмов «Ищите женщину», «Будьте моим мужем», «Человек с бульвара Капуцинов» и многих других, не любит интервью в привычном понимании этого слова: когда журналист и респондент беседуют, сидя в креслах. Алла Ильинична, приехавшая на фестиваль российского кино и стран содружества в Тбилиси, предложила мне стать ее гидом и интервью записывать на ходу, чтобы не терять драгоценного времени, которое можно потратить на осмотр Тбилиси. Я с радостью согласилась.

Был праздник Гиоргоба, в Кашвети звонили колокола, и люди отовсюду тянулись к храму. Мы прогулялись по Александровскому саду, по Сухому мосту и пошли в сторону Колхозной площади. «У нас очень интересная программа, - говорила Сурикова, - показывают достопримечательности, кормят вкусностями, но мне еще хочется познакомиться с вашей повседневностью, пойти в народ, почувствовать живое дыхание города. Например, где тбилисцы одеваются? Не в бутиках, наверное? Слышала, что есть большой торговый центр в Лило, вот бы на него посмотреть. Но не успеем, наверное, - у меня в три встреча в доме Софики Чиаурели».

Режиссера интересовали и тбилисские подzemки, мы спустились в одну - на Колхозной. Потом я показала Алле Ильиничне крепостную стену на Пушкинской улице, старую мэрию и улицу Леселидзе. Продавщицы сувенирных лавок, магазина одежды, куда мы заглядывали, именитого российского режиссера не узнавали. Только одна вдруг застыла, вытянулась в струнку и выпалила: «Исторический момент!»

Сурикова много и с грустью вспоминала в тот день о своей подруге и любимой актрисе Софики Чиаурели.

- Я видела памятник Софики в Старом городе, там она не очень на себя похожа. Но ведь это необязатель-

но. У нас с Софики две совместные картины. Для роли в фильме «Ищите женщину» мне требовалась именно такая героиня - взбалмошная, странная, смешная, ребячливая, француженка. Нужна была фотография актрисы. Под этим предлогом из Москвы в Тбилиси просилось ехать пять человек. Это 1981 или 1982 год. Тут нас «взяли в оборот» - угощали, кормили, поили. И мы не просыхали пять дней. Пришло время уезжать, спрашиваю у Михаила Аграновича: «Ты фотографию Софики сделал?» Он: «Забыл!» Так и полетели обратно, без снимка. В Москве раздобыли - Софики в ранней молодости. В роли инспектора Грандена я сначала хотела снять Михаила Ульянова. Но Миша Агранович вспомнил, что Софики и Леня Куравлев - давние друзья и однокурсники, и предложил его кандидатуру. Так, история мадемуазель Постик и Грандена, когда-то влюбленных друг в друга, обрела второе звучание. Мы придумали для Куравлева кофту с шарфом, художник по гриму приделала ему моржовые усы, и он закашлял совершенно по-гранденовски. Парижскую натуру нам обеспечила группа Георгия Дanelия, в то время снимавшая во Франции «Паспорт». Мы только дали им пленку. Должен же был в нашем фильме появиться кусочек настоящего Парижа.

Во время того, первого приезда в Тбилиси, я побывала на спектакле «Дон Сезар де Базан» с участием Котэ Махарадзе. Открыла его для себя, как замечательного актера, великолепного знатока поэзии, искусства. До тех пор знала лишь в качестве футбольного комментатора - «разбегается Хурцилава и бьет слева...» Кажется, в тот период Котэ еще ухаживал за Софики... Я считаю, это одна из самых красивых историй любви. Она ждет своего воплощения на экране. Я могла бы снять о них фильм, но думаю, такое желание есть и у грузинских режиссеров. Надо спешить, пока

живы свидетели их истории. Они обрели друг друга не в молодом возрасте, когда страсть кипит, а в зрелом, пройдя много препятствий. Такой союз – глубинный.

Не влюбиться в Софику было невозможно. Она завораживала особой магией, ей подчинялось все живое и неживое. Даже мой упрямый запорожец. Как-то, находясь в Москве, Софику попросила отвезти ее на Петровку, в магазин меховой одежды. И на одном из людных перекрестков мой запорожец застрял. Ни шагу назад, ни шагу вперед. Обычный для него бессовестный финт. Злюсь, конечно. Софику вышла из машины, что-то пошептала, потом попросила меня пересест на пассажирское сидение. И запорожец под ее волшебными руками не то, что поехал, полетел!

Помню последний визит Софику в Москву. Она плохо себя чувствовала, предполагала трагическую развязку. Но больше чем о себе, беспокоилась о судьбе младшего сына Сандрика. «Как он будет без меня?» Сандрик ведь большой мальчик, с детским ощущением жизни. Софику мечтала найти ему невесту – добрую, простую, которая будет одновременно и подружкой, и матерью, и сестрой. Нашлась ли такая девушка? Очень хотелось бы.

- Иногда, кажется, что любовь перестала быть для людей приоритетом. Особенно в наше прагматичное время.

- Любовь есть! Нужно слушать свое сердце. Важно, чтобы рядом находился именно твой человек. Я со своим мужем живу с 1985 года, но мы до сих пор не расписаны в ЗАГСе. Совершенно ни к чему. Я дважды была замужем официально и мне этого хватило. Алик даже в период нашего брака уезжал в Америку, жил там долгое время, получил гражданство, но потом все бросил и живет у меня.

Жениться, выходить замуж, только чтобы не быть одному – наверное, неправильно. Порой отношения себя изжили, люди чуть ли не ненавидят друг друга, а продолжают жить под одной крышей из-за ложных представлений о семье. Если уж так поразмыслить, тот самый пресловутый стакан воды и родственник может подать, и домработница. Ролан Быков как-то подарил мне шутку: «Лучше быть одному, чем раздваиваться, лучше раздваиваться, чем расстраиваться, но лучше расстраиваться, чем четвертоваться».

Конечно, в моем возрасте река любви уже перехо-

дит в спокойное русло. Это любовная дружба – получить от близкого человека совет, разделить с ним какое-нибудь увлечение – фигурное катание или еще что, принять нежную заботу, когда болеешь, или самой ее проявить. Но такая осень любви бывает только в искренних отношениях. Мои родители прожили долгую счастливую жизнь. И папа, и мама отличались легким характером, любили шутить, смеяться. Улыбка была нашим семейным гербом. Если у них и случались ссоры на старости лет, то незначительные. Скорее, чтобы держать друг друга в тонусе, доказать себе – есть еще порох в пороховницах.

- Значит, чувство юмора досталось вам по наследству. Можно ли выработать это качество, если его нет от природы?

- Школьных учителей нужно тестировать на наличие чувства юмора. Хорошо, когда юмор вкрапливается в преподавание. Дети очень восприимчивы к шутке. У Григория Горина есть пьеса «Прощай, конференсье!» Главный герой – Николай Буркини, потомственный конференсье, дает представления на фронте вместе со своей концертной бригадой. В любых обстоятельствах, даже самых драматических, есть место юмору. Буркини научил смеяться девочку Веру.

Нужно жить на солнечной стороне жизни. Человек, обладающий юмором, защищен от бед, неприятностей, депрессий. Смех лечит и нашу психику, и тело. Когда мы смеемся, легкие насыщаются кислородом, обогащается кровь. Смехотерапию придумал американец Норман Казинс. Его еще называют «Человек, рассмешивший смерть». У этого Казинса обнаружили неизлечимую болезнь. Тогда он снял номер в гостинице, нанял сиделку, которая читала ему юмористические рассказы. Сиделка чаплинские комедии. И, в конце концов, исцелился.

В Америке во многих клиниках есть больничные клоуны – они смешат больных детей. У нас это тоже входит в практику – клоун вместо клизмы.

Обратите внимание: вокруг человека, умеющего смешить, всегда толпа народа. Мы все хотим посмеяться, интуитивно заботимся о сохранении своего здоровья. К примеру, Ираклий Квирикадзе, Ходжакули Нарлиев, - отличные рассказчики.

Я уже 13 лет провожу фестиваль комедии «Улыбнись, Россия!» Сама президент, художественный руководитель, продюсер. В программе – новые картины, коротко-

▲ Алла Сурикова в Тбилиси

метражки, документальные ленты, комедийные фильмы для детей, юмористические телепрограммы, рекламные ролики. В роли жюри у нас выступают зрители, они выбирают лучшие работы посредством голосования.

- Алла Ильинична, ваши школьные учителя понимали шутки?

- Ой, не все! Училась-то я хорошо, но безупречным поведением не отличалась. «Умничала», острела, даже поправляла произношение учителю по-русскому. Он злился: «Я тебе, Аллочка, крылышки-то обрежу!» И выполнил обещание – я осталась без заслуженной золотой медали. С теплотой вспоминаю свое послевоенное детство. Голодное время, но мы не унывали. За хлебом, маслом, сахаром стояли в очередях. Зато зернистая черная икра и крабы заполняли полки всех магазинов. Когда болела, меня кормили пакухой икрой, я смотреть на нее не могла. А сейчас и хотела бы купить, да нет.

...В одном из кафе в Старом городе мы решили попить с Аллой Ильиничной чаю – немного согреться. С открытой веранды отлично просматривались прохожие и улица. Режиссерский взгляд сразу зацепился за любопытный эпизод. Черный кот стоял посреди улицы и мяукал в лицо прохожим.

- Посмотрите, какой красавец! - заметила Сурикова. - Он пошел со своей проблемой к человеку. Но не просит, а требует: «Мяу! Дай еды! Срочно!» И его уже услышали. (Действительно, какая-то женщина что-то достала из сумки и нагнулась к коту – М.А.). Мои коты стеснительные, чтоб вот так шагнуть навстречу незнакомцу, да ни за что! Они у меня на даче живут. Если в доме гости, весь день прячутся от посторонних глаз. Вообще, кошки – какие-то космические животные, у них своя галактика, нам не понять.

...Для визита в дом Софики был куплен букет желтых осенних цветов, и мы продолжили путь. Сурикова делилась впечатлениями о Тбилиси.

- Город красив, как 25 лет назад. Но хочется, чтоб не только для нас, туристов, его украшали. И не только отдельные туристические районы. Много и показного, фасадного. Вчера мы с фотографом Ивановым зашли за гостиницу «Марриотт» - он там нарыл интересный погребок с грузинской кухней – и я чуть ногу не сломала. Дорога там жуткая, и дома тоже. Видимо, на все сил, времени и финансов не хватает. Но очень хочется верить, что руки найдут, и осуществят реставрацию.

Женщины в Грузии – загляденье. Изысканные, стильные, со вкусом одетые. Много красивых лиц. У молодежи светлые, одухотворенные, «незамороженные» лица. Только огорчает, что новое поколение практически не знает русского языка. Жаль! Английский, само собой, надобен. Но без русской культуры, литературы человек не может считаться всесторонне образованным. Наши культуры всегда отличались взаимопроникновением, по-разному переплетены.

Я везу из Тбилиси шикарную куклу, пироманиевскую барышню. Купила в подарок, но жаба задушила – оставила себе. Другой презент подберу. Приобрела грузинские войлочные тапочки, настенную тарелку с тремя поющими грузинами. У меня большая коллекция настенных тарелок – привожу отовсюду, где только бываю. Приглянувшиеся картины сфотографировала. Дома нет места, к сожалению, - дочка свои картины ко мне перевезла.

- Над чем сейчас работает дочка Кира?

- Главным образом отдает себя семье. Три сына. Они же все требуют внимания. Старшему – 22, среднему – 16, младшему – 7 лет. Кира сейчас делает накопления для следующего творческого рывка. Она с детства писала стихи, рассказы, любила работать со словом. Ее печатают в красивых толстых журналах. Как-то даже назвали основоположницей психологического реализма. Помню, однажды у нас собрались гости и некого послать за пивом. Отправили дочку (Кире тогда было 16). Пока она отсутствовала, я дала Резо Габриадзе почитать ее рассказы. Через некоторое время он вернул мне рассказы и говорит: «Боже мой, кого мы послали за пивом!» Потом вышла в свет ее книга «Несладкий кофе».

Я тоже, естественно, занимаюсь внуками. Но я им не бабушка, я – Аллочка! И зять меня так называет. Мое внимание сосредоточено на старшем Иване. Он выучился на актера, красивый, видный парень. Но не хочет, чтобы я ему помогала устраиваться. Иван родился в Париже, а отец у него – американец. Фамилия у внука – Румб. Говорю: «Возьми еще вторую – Суриков». А нынешний мой зять – русский, россиянин.

...Мы подошли к гостинице «Тбилиси – Марриотт». Я поблагодарила гостью фестиваля за увлекательный променад и интервью. «Как по-грузински «до свиданья?», - спросила Сурикова. «Нахвамдис» - «Надеюсь, еще приеду, всех благ, нахвамдис!»

Медea АМИРХАНОВА

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

«ВОТ ОТКРЫТ БАЛАГАНЧИК»

Маленькую трагедию Александра Пушкина «Каменный гость» ставят нечасто. Как и подобает произведению о вечных образах, она неоднозначная, во многом загадочная. На то эти образы – библейские, фольклорные, мифологические, литературные – и вечные, что столкнувшись с ними, сталкиваешься с бесчисленными вариантами и возможностями их интерпретаций.

Память хранит фильм Михаила Швейцера и диско-спектакль Анатолия Эфроса. У обоих больших режиссеров Дона Гуана сыграл Владимир Высоцкий. «Дон Гуан не бессовестный соблазнитель, не святотатец, не отъявленный негодяй. Он в первую очередь – поэт», – говорил А.Эфрос. М.Швейцера видел этот образ так: «Мне казалось, что все, чем владеет Высоцкий как человек, это есть свойства пушкинского Дона Гуана. Он поэт, и он мужчина. Я имею в виду его, Высоцкого, бесстрашие, непоколебимость, умение и желание взглянуть в лицо опасности, его огромную, собранную в пружину волю человеческую».

За последние годы появилось несколько новых театральных версий маленькой трагедии. Петр Фоменко выпустил «Триптих» из «Графа Нулина», «Каменного гостя» и «Сцен из Фауста», назвав вторую часть своего спектакля «маленькая ироническая трагедия «О Дона Анна!» Анатолий Васильев в Школе драматического искусства соединил текст «Каменного гостя», оперу Даргомыжского, гравюры Гойи и экспериментальный балет. А вот в театре «Сатириконт» Пушкина играют в сопровождении

грузинского фольклора, музыки Брегговича, Гершвина, Моцарта. Поет Анна Герман. Актеры говорят то с кавказским, то с еврейским акцентом. Спектакль играется на нескольких языках.

Вот что творится... Как тут скажешь хоть слово, не рискуя попасть в ренегаты и старомодные тупицы?

Казалось бы, для любителей вольничать есть «Царь Никита и сорок его дочерей» и «Гавриилиада», а никак ни классическая, элегантно лапидарная, в высшей степени поэтическая пьеса. Но Пушкин – не священная корова и не малое дитя. Он в состоянии сам постоять за себя. Поэтому не стоит кидаться на его защиту. Подобного рода заступничество Горький называл «смешной бестактностью».

В древнегреческом мире, как известно, существовала философия кинизма (от которой и берет свое начало цинизм). Она проповедовала естественность и простоту восприятия мира, избавление от условностей. В этом смысле режиссер Андро Енукидзе – абсолютный циник. Он без трепета, да и без особой почтительности, взялся за пушкинский текст и поставил на сцене Грибоедовского то, что увидел в этом тексте своим ясным, циничным взором.

Спектакль называется «Дон Гуан». На пресс-конференции, посвященной премьере, на вопрос, почему он отказался от оригинального названия, Енукидзе ответил, что никакого специального смысла в переимено-

▲ Ирина Мегвинетуцеси (Дона Анна)
и Олег Мчедлишвили (Дон Гуан)

вании нет. Просто «Дон Гуан» - звучит для публики более броско и привлекательно. Как и было заявлено, искренность и режиссерский цинизм.

«Дон Гуан» в Грибоедовском – это как будто и не совсем Пушкин, прежде всего потому, что к классическому тексту отнеслись вольно. Порой фривольно. Усечение текста, перестановка сцен и произнесение реплик одного персонажа другим – это явление в театре уже привычное, не страшно. Менять смысловое ударение в фразе – куда ни шло. Но изменять текст? Ничего забавного тут нет. Так же как и в том, что артисты нередко путают слова, видимо, нетвердо их заучив. Какие-то вставные, не пушкинские фразы остались непонятными – например, речитатив «где моя лошадь?»...

Ну да ладно, не будем искать блох. Обратимся к смыслу. Хотя сам режиссер все на той же пресс-конференции, посоветовал не копать глубоко и не искать тайные смыслы. Но, простите, спектакль все-таки начинается с названия. Итак, Дон Гуан.

Вечный образ – всегда загадка и, увы, всегда штамп. Будь то Дон Жуан, Гамлет, Дон Кихот, Фауст или Мефистофель. Дон Жуан давно стал именем нарицательным. Это клише. Но каков именно этот, поставленный Андрo Енукидзе и сыгранный Олегом Мчедлишвили? Коллекционер? Искатель идеала? Развратник? Профессиональный соблазнитель? Безбожник? Великий грешник?

В отличие от Тирсо де Молина, Мольера, Байрона Пушкин однозначного ответа не дает. Его должны дать авторы спектакля. Но ответа, как такового, нет.

Мне кажется, главным для режиссера было любым способом, как угодно, но сломать стереотип. Сцены выворачиваются наизнанку, дамы путают Дона Гуана и Лепорелло, знакомые пушкинские фразы превращаются в перевертыши, в них смещается смысл. Только бы распылить клише, а для этого все средства хороши.

Олег Мчедлишвили сыграл Дона Гуана как узника легенды о самом себе, заложника и раба мифа, которому он уже не может соответствовать. Эдакий бессильный монарх, который никак не решится отречься от трона. Из всех монарших отличий у него остался только шут – Лепорелло (Михаил Амбросов), своим темпераментом постоянно затмевающий хозяина.

Но Дон Гуан, как бы его не трактовали, личность страстная и человек страстей. В спектакле же мы видим человека если не бесстрастного, то уставшего от стра-

стей. Женщины его почти не привлекают. А вот соперники волнуют сильнее – и Дон Карлос (Арчил Бараташвили), и Командор привлекают гораздо больше его внимания, чем Донна Анна и Лаура (София Ломджария).

В его жизни все уже было, он не ожидает ничего нового. Он и смог-то завоевать Дону Анну потому, что особо трудиться не пришлось. Оказалось достаточно медоточивых речей, от которых «давно-давно отвыкло ухо» несчастной верной вдовы. Ей не с кем было сравнивать Гуана, кроме Командора. Ларчик под названием «Дона Анна» открылся просто, и из ларчика хлынула неуголенная страсть одинокой женщины.

В Доне Анне, сыгранной Ириной Мегвинетуцеси, уверена, самое важное – ее финальный отчаянный крик: «Завтра! Вечером! Позднее!» Это – о том завтра, которое не наступит никогда и которое прошло мимо прямо на глазах.

Почему именно Дона Анна стала последней женщиной Дона Гуана? Почему, покорив ее, он гибнет? Наиважнейший вопрос. Все-таки тема возмездия – магистральная в произведении, которое сам автор назвал «Каменный гость».

Неверность, неверие, святотатство, богохульство, кара – для Пушкина это было очень важно. Каким бы легкомысленным повесой он нам не представлялся. Вспомните удивление Боратынского, заглянувшего после смерти поэта в его бумаги: «Пушкин был мыслитель, кто бы мог подумать...» И не случайно Анна Ахматова была уверена, что себя в маленькой трагедии Пушкин вывел в образе Командора, для которого уверенность в вечной верности любимой жены была необходима. А на месте Гуана вполне мог оказаться кто-то вроде Дантеса (как известно, на редкость обаятельного, остроумного и бесчестного молодого человека).

В 21 веке к незбылемым постулатам прошлого не принято относиться серьезно. «Вдова должна и гробу быть верна»? Бросьте, какой архаизм. То, что было предметом уважения и поклонения в прошлых веках, ныне – повод для стеба.

«Дон Гуан» в Грибоедовском – и не классика, и не трагедия. Шутка это или легкомысленное пренебрежение серьезными вещами, но главное, что очень задевает, – это сам тон спектакля, ернический, потешный, почти издевательский.

На словах Андрo Енукидзе прекрасно отдает себе отчет в том, что «это пьеса о самом важном событии в жизни Гуана – смерти, и о событиях, ведущих к смерти». А на деле режиссер отказывается говорить о важных и, конечно, невеселых вещах. В спектакле смерти нет вообще. Все свидания проходят при убитых, но все они оживают – Дон Карлос, монах (Христо Пилиев), сам Дон Гуан и, наконец, Дона Анна, сыгравшая под занавес в «замри-отомри». Да, «недолго нас покойники тревожат».

Зрителю «Дона Гуана» трагедии не видать. Ему покажут фарс. А если совсем откровенно, даже не фарс, а балаган. Балаганчик. А что же еще? Ширмы на сцене, то ли кукольный театр, то ли театр теней, Каменный гость в виде игрушечного истукана, детская лошадка (вот она, твоя лошадь!) Наверное, это и есть та точка обзора, которая позволяет принять и понять это действие.

«Вот открыт балаганчик Для веселых и славных детей, Смотрят девочка и мальчик На дам, королей и чертей. И звучит эта адская музыка, Завывает унылый смычок. Страшный черт ухватил карапузика, И стекает клюквенный сок»...

«Балаганчик» Александра Блока увидит доброжелательный зритель в «Дон Гуане» Андрo Енукидзе. Параллель лестная во всех смыслах. К тому же Блок написал «Балаганчик» на самую горькую страницу в своей жизни – пресловутый любовный треугольник.

А за любым балаганом скрывается маленькая трагедия марионеток, кукол, заложников самих себя. Им не умереть и не воскреснуть. Им, вечным, бессмертным, на

веки вечные корчиться на нитках, которые держит безжалостный кукловод.

А «я помню чудное мгновение» - это уже «совсем другая история», как жестко напоминают нам в финале спектакля.

СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

Если пытаться ответить на все вопросы «почему?», можно сойти с ума. Известен случай, когда у Блока дошлый журналист спросил: «Что значит «уронила матовые кисти в зеркала»? И поэт совершенно искренне ответил: «Не знаю». А вот еще пример. Андрей Тарковский, монтируя один из своих фильмов, намеревался переставить все сцены, поменять местами финал и начало – пусть зритель думает, что так и надо. Может быть, и Енукидзе отдает все значения на откуп зрителю? Замысел воплощен, сделано то, что сделано. Наше зрительское право понять так, как нам понимается. И, возможно, мы приписываем режиссеру смыслы, которые он и не вкладывал в свою работу.

Для точности и полноты картины мы попросили режиссера дать небольшую комментарий. Он имел полное право отказаться. Так, кстати, всегда поступал Владимир Высоцкий. На вопрос: «Что вы имели в виду?» он отвечал: «Что имел в виду, то и написал».

Но Андрей Владимирович на разговор согласился сразу же.

- Вы уже говорили не раз, что в «Каменном госте», на ваш взгляд, нет драматургии.

- Да, это поэтическое произведение. Драматургия подразумевает завязку, развитие, кульминацию, развязку. Этого в «Каменном госте» нет. За две сцены Дон Гуан успеваешь понравиться и сойти в ад. Так не бывает.

- Но ведь на сцену выходит не кто-то, а Дон Жуан.

- Ну и что?

- А то, что это образ с репутацией, и зрителю не надо объяснять, кто он такой. Это ведь имеет значение...

- Нет. Образ интересен своими проявлениями. А у Пушкина Дон Гуан говорит так же, как Лепорелло. У драматургии есть свои законы, и театр – дело со своей технологией. «Каменный гость» - это потрясающие стихи. Но он написан не для игры на сцене, а для прочтения на сцене.

- И все-таки, кто он, ваш Дон Гуан?

- Я не знаю, кто он такой. Думаю, что это человек, находящийся в плену собственного образа жизни. У него нет права выбора. Он обязан совершать геройские поступки. Кто его обязал? Судьба. Я понимаю, что не имею права не учитывать миф в его культурологическом аспекте. И, как только я касаюсь мифа о Дон Жуане – неважно, это Пушкин, Мольер, Тирсо де Молина – я понимаю, что сам миф больше каждого из этих авторов. Но Пушкин тоже парень не промах, да?

- Вы кое-что придумали. У вас в спектакле не только Пушкин.

- Ничего я не придумывал. Когда я обращаюсь к произведению, я ставлю именно его. У меня нет ни одной реплики из Мольера, хотя был очень большой соблазн дать финальную реплику Сганареля: «Все довольны, но где мое жалованье?» Вы очень образованный человек, просто вы смотрите под другим углом. Почему Дон Карлос сидит у Лауры? Почему Дон Карлос убил? Потому что Пушкин не знает, как выписать сюжет. Почему Гуан сходит в преисподнюю? Потому что согрешил? Не уверен, Пушкин сам грешил на каждом шагу.

- Так почему? Потому что развратник, богохульник?

- Нет. Однозначно нет. Потому, что так и не смог разобраться в своей душе, не смог примириться с правилами игры на этом белом свете. Он сам ведет себя в ад. И его жизнь превращается в ад. Он однозначно не умеет любить, он умеет лишь поработать, добиваться. А потом

ему нужна новая жертва.

- «Новизна», как пишет Пушкин, вот что ему нужно.

- Не новизна, а борьба. И обязательно какая-то преграда. Он не идет на простые связи. Либо женщина должна быть умирающей, либо женой Берии, либо сестрой короля. С просто женщинами он уже не может. А Дона Анна – это же жена Командора! Поди-ка завоюй такую! Он ведь человек без воображения.

- Кто?

- Пушкинский Дон Гуан.

- То есть как? «У вас воображение в минуту дорисует остальное».

- А кто сказал, что это правда? Раз Пушкин сказал, значит, правда? Это слова Лепорелло. А я постарался эту сцену поставить так: Дон Гуан хотел спокойно пройти мимо Доны Анны и забыть о ней. Но его подначивает Лепорелло: «У вас воображение...» и так далее.

- В вашем Гуане не чувствуется страстности. И по темпераменту его побеждает Лепорелло.

- Да, пожалуй, вы правы.

- А почему дамы путаются – вместо Дона Гуана обращаются к Лепорелло?

- Да это просто шутка. Я хотел подчеркнуть простую мысль, что Лепорелло мечтает быть на месте хозяина. Но не может. Вот он человек с воображением, в отличие от Дона Гуана, которому нужны реальные препятствия в жизни.

- Кажется, что соперники для него важнее, чем сами дамы.

- Безусловно. Он-то знает – любая женщина ему отдастся за 20 минут. Трагичность и парадоксальность этого мифа в том, что Дон Жуан должен обожествлять то, что пройдет за 20 минут. Любой бастион падет. И что останется?

- Сейчас стало модно иронизировать над классикой. Откуда такое отношение? Ценности 19 века вызывают иронию?

- Нет, ни в коем случае. Прежде всего, мы работаем в театре, который должен пропагандировать в другой стране русскую классику. Иначе я был бы гораздо более

▼ София Ломджария (Лаура) и Арчил Бараташвили (Дон Карлос)

▲ Сцены из спектакля

свободен и напридумывал гораздо больше. Но я профессионал, а не юноша, который хочет надавать пощечин обществу. Сегодня «Каменный гость» можно воспринимать как маленькую автоироническую трагедию. Мы смеемся не над тем, как жили люди в 19 веке. Ведь мы живем точно так же. Мы, человечество, мужчины и женщины, не решили каких-то главных проблем. Единственное, что стало модным и общедоступным, это human rights и третий пол. Да Дон Жуан – ребенок по сравнению с тем, что происходит сейчас! Он-то – честный продолжатель честных мужских традиций. И он жертва мужского начала в самом себе.

- *Некоторые зрители говорят про ваш спектакль – «похулиганили».*

- Пусть говорят. Не все так просто. То, что мы выкли видеть, и то, что показано в этом спектакле, разные вещи. Наш спектакль – поиски европейского театра. Артисты играют блестяще, на уровне элитарных театров. Находить в этом спектакле подводный смысл, по-моему, не стоит. Потому что там нет никакого смысла. Есть проблема, на которую интеллектуалы, театралы привыкли смотреть так, а не иначе. И я не могу отделаться от того восприятия Дон Жуана, которое существует в мире. Но я не ищу ни смысл, ни идею. Идея ясна изначально. Вообще, идеи сами по себе остались во вчерашнем театре. Я не говорю, что он плохой, просто он был вчера.

- *Если нет идей, то на какую реакцию зрителя вы рассчитываете? На эмоциональный отклик?*

- Нет.

- *На то, чтобы зритель подумал – это про меня?*

- Нет. На то, что зритель почувствовал, что сцена – это область свободы, где нам все можно, где в предлагаемых обстоятельствах мы можем наконец-то сломать рамки. Каждый мужчина яростно завидует Дон Жуану.

- *Верю на слово.*

- А когда тот гибнет, страшно радуется, потому что он тоже хочет жить, как Дон Жуан, но понимает, что нельзя. Раз наступает расплата, это оправдывает то убогое

существование, в котором мы пребываем. То же самое происходит и с каждой женщиной. Нет женщины, которая не мечтала бы, чтобы в один прекрасный день ее спалили – к чертовой матери и до конца. Другое дело, что мы не пускаем себя на такие отношения. Мы прагматичны, и не разрешаем себе экстремальные поступки. Но вот она, сцена. Свобода. И я шучу не над Пушкиным. И не над мифом. А над самим собой. Потому что я – первый зритель этого спектакля и шучу над всеми нами, которые мечтают, боятся, разочаровываются... Вот о чем говорит спектакль, там нет никаких других смыслов. И там нет эпатажа. Чем мне нравится этот спектакль? У него есть свой язык, стиль и он не дидактичен. Я категорически против параллели с «Балаганчиком». Но здорово, что спектакль подсказал вам интересные ассоциации. Что касается Блока, то превратить свою трагедию в шутку – удел талантливых людей. У меня не было такой задачи. Я умозритель. Поэтому это не кровавый балаганчик.

- *А форма спектакля?*

- Ширма для меня – это водораздел, рубеж между мифом и личностью. Перед ширмой – миф. За ширмой – я сам. Но я сам – такой же невооруженный, как во времена Эсхила, Шекспира, Пушкина. Я говорю по мобильному телефону, но остался таким же дураком.

- *Но ширма – многозначный символ. Зритель имеет право и на иное прочтение.*

- Это никому не мешает. Важны точки отсчета. Моя точка отсчета – не Блок, а античная трагедия. Трагедия – не драма. В ней у человека нет выбора, и с ним происходит то, что должно произойти. Так что это не балаган, а скорее, опера-буфф. Не будем называть спектакль хулиганством. Хулиганство – это блажь. Я такого себе не позволю, не того класса режиссер. Спасибо судьбе, я прошел в Европе школу чистого театра, театра как такового. И когда меня упрекают в плохом вкусе... Мне кажется, что плохой вкус – это отрицание и нетерпимость. Давайте отбросим подальше все эти провинциальные дела.

Нина ШАДУРИ

АГНЕЦ БОЖИЙ

«В гениальности девяносто девять процентов труда и один процент вдохновения», - считал Томас Эдисон, полемизируя с теми, кто утверждал прямо противоположное: «Талант работает, гений творит». Тбилисский театр имени К.Марджанишвили предложил смелую импровизацию на пушкинские мотивы, объединив трагедию «Моцарт и Сальери» и новеллу «Египетские ночи» одной темой: «божественная природа гениальности», «гений и злодейство». Молодой режиссер Давид Чхартишвили, в своей трактовке под названием «Agnus dei» («Агнец божий») в чем-то погрешивший против «буквы» Пушкина (это касается, прежде всего, вольной интерпретации «Египетских ночей»), точно выразил главную мысль Александра Сергеевича: «гений и злодейство – две вещи несовместные». Но поставил в конце знак вопроса...

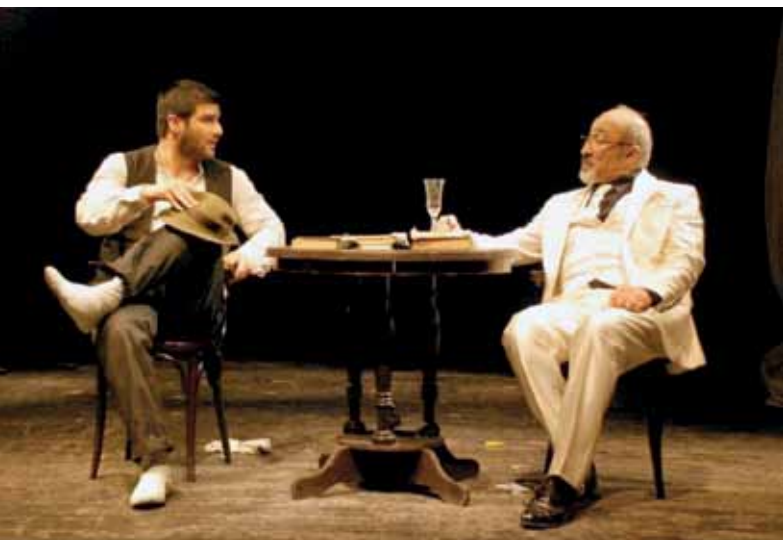
Еще Анна Ахматова, анализируя «Маленькие трагедии», вела линию от «Моцарта и Сальери» к «Египетским ночам» и утверждала, что именно Сальери, «поверивший алгеброй гармонию», был близок Пушкину. Не говоря уже о персонаже «Египетских ночей» Чарском.

В спектакле театра имени К.Марджанишвили Чарский – это маститый поэт, вошедший в зрелый возраст. Он выглядит значительно старше пушкинского героя – тридцатилетнего надменного денди, предающегося развлечениям, но время от времени приносящего священные жертвы Аполлону. Успеха на литературном поприще Чарский в трактовке Гиви Чугуашвили добился упорным трудом, за что обласкан «светской чернью». Только что ему вручили какую-то солидную бляху, как мы понимаем, награду «за заслуги». Встре-

тившись с Импровизатором, он потрясен не столько талантом молодого итальянца, сколько кощунственным осквернением божьего дара недостойным, по его мнению, человеком. Это открытие, согласно версии театра, буквально переворачивает сознание Чарского и сближает его с Сальери... В связи с этим вспоминается эпизод известного телефильма Михаила Швейцера «Маленькие трагедии», когда Чарский на набережной встречается с Сальери.

Давид Чхартишвили идет дальше, давая волю своей фантазии. И зрители становятся свидетелями сближения Чарского и Сальери. В одной из сцен Чарский погружен в творческий процесс, стихи рождаются трудно, скомканные листки падают к ногам поэта... Вдруг из глубины как фантом появляется Сальери (Джано Изория) со своим монологом «Все говорят: нет правды на земле...» Актер произносит его страстно, каждая мысль кричит, кровоточит. Публика просто на физическом уровне ощущает муки Сальери. В эмоциональном порыве он хватается Чарского за руку и изо всех сил прижимает ее к столу, причиняя поэту боль и передавая через это жесткое действие свое выстраданное знание о том, что «правды нет и выше».

В последующих сценах Чарский и Сальери становятся практически единым целым – поэт творит композитору, проникаясь его мыслями и чувствами: тексты Сальери произносятся обоими. Оба героя планируют, а главное – оправдывают будущее убийство (Моцарта и Импровизатора). В трактовке Дато Чхартишвили Чарский и Сальери не страдают патологической завистью и по природе не являются убийцами. Чарский, услышавший импровизацию итальянца, счастлив не

▲ Сцена из спектакля «Agnus dei»

меньше, чем Сальери, прикоснувшийся к божественным звукам нового сочинения Моцарта. Но оба принимают решение убить божьего избранника, недостойного, по их мнению, носить венец славы.

В спектакле Дато Чхартишвили есть, что вполне логично, еще одно пересечение: Моцарт и Импровизатор. Они, как говорят, тоже одного поля ягоды и соответствуют расхожему представлению о беспечном гении. Оба прожигают жизнь и производят впечатление физически нездоровых и психологически неустойчивых людей, балансирующих на грани бытия – небытия. Моцарт (Шако Мирианшвили) пребывает в какой-то нервной горячке, постоянном возбуждении, его мучает кашель. Импровизатор (Гага Шишинашвили) – человек чрезмерно эмоциональный и увлекающийся бутылкой. Но главное, что их роднит, – небрежное отношение к своему дару. Импровизатор, сочиняющий свои тексты словно под диктовку «сверху», не записывает их на бумагу, а Моцарт слушает, как его музыку «трактует» слепой уличный скрипач. И «расплата» за это одна – смерть. Таков вердикт Чарского и Сальери – они готовы линчевать нарушителей общепринятого канона и тем самым спасти «правильных» служителей высокого искусства. К последним, безусловно, относятся они сами, достигшие славы благодаря упорному труду и «самоотреченью».

Мы дважды становимся свидетелями таинства творческого процесса. Но как по-разному происходит рождение стиха у Чарского и Импровизатора! Прямо в соответствии с афоризмом «Талант работает, гений творит»...

Интересно решена сцена отравления Моцарта. Все его поведение говорит о том, «жертвенный агнец» предчувствует свою судьбу и пытается уйти от нее. Композитор отказывается было от ужина с Сальери, но... потом все-таки соглашается разделить с убийцей трапезу. Жертва должна быть принесена. Но и Сальери колеблется – манипулирует с бокалами, в одном из которых яд, меняет их местами: он тоже не вполне готов к роли палача. За него решение принимает сам Моцарт, чуть ли не хватая бокал с отравленным напитком и торопливо выпивая его. Сальери остается лишь воскликнуть в ужасе: «Ты выпил!.. Без меня?» Вспоминается пастернаковское: «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси...» И потом: «Но продуман распорядок действий, И неотвратим конец пути»... Умирающий Моцарт – агнец божий – закутывается в

белую ткань как в саван.

Та же участь неожиданно (неожиданно, если иметь в виду пушкинский сюжет, а не логику развития действия в спектакле марджановцев) постигает Импровизатора, убитого Чарским. Такое буквальное режиссерское решение оставляет все-таки двойное чувство – наверное, интереснее было бы, если бы убийство осталось только намерением, затаенным желанием Чарского.

В спектакле марджановцев принимают участие артисты Театра пальцев – Теона Магалашвили, Георгий Мебагишвили, Заал Какабадзе, Елена Пирцхалава, Мари Авалишвили. С помощью пальцев они ловко, изящно изображают светское общество, собравшееся на выступление Импровизатора. Созданию атмосферы камерности, когда ничто не мешает сосредоточиться на главной мысли спектакля, на актерской игре, способствует сценография Ирины Квелиашвили. Она же автор музыкального оформления – разумеется, мы слышим Моцарта.

- Дато, как вам пришла идея соединить «Моцарта и Сальери» с «Египетскими ночами»?

- Это произошло два года назад. Когда я учился на втором курсе, то поставил отрывок из «Моцарта и Сальери» - финальную сцену. Уже тогда у меня возникло желание осуществить постановку всей «маленькой трагедии». Но в этом случае спектакль длился бы всего 40 минут. И тогда пришла мысль обратиться к другому произведению Пушкина – незаконченной новелле «Египетские ночи», где затронута та же тема, что и в

▲ Гиви Чугуашвили (Чарский) и Джано Изория (Сальери)

«Моцарте и Сальери», и соединить их.

- Но Чарский у Пушкина не испытывает жгучей зависти к таланту Импровизатора.

- Да, Чарский даже обрадовался тому, что Импровизатор обладает уникальным даром. Ведь он встретил человека, который достиг всего того, к чему он сам всю жизнь стремился. Проблема начинается тогда, когда Чарский узнает, что итальянец не записывает свои импровизации. Бог именно его наградил особым даром, но Импровизатор нисколько этим не дорожит – он просто выбрасывает свои сочинения. Это буквально сводит Чарского с ума, он навсегда лишается покоя – ведь рядом тот, чей талант намного мощнее его собственного дара.

- У Пушкина такого расклада не существует – это ваша фантазия!

- Да, конечно, убийство Чарским Импровизатора – наша фантазия. Но наш Чарский – не преступник по сути. Он действительно рад появлению молодого таланта – представителя нового поколения. Однако Чарский считает, что своим пренебрежительным отношением к божественному дару новое поколение вредит искусству. И тут начинается его борьба с самим Создателем... Сам Чарский всю жизнь мучительно создавал свои стихи, писал черновики, затем переписывал тексты набело, снова правил их, сжигал написанное и опять писал. Потом, наконец, издавал свои произведения, которые нравились, быть может, пяти читателям. А как творил Галактион Табидзе? Однажды он написал стихи на сигаретной пачке и выбросил их... Кто-то подобрал пачку, и эти стихи потом легли в основу известной народной песни «Из Цхалтубо в Кутаиси». Табидзе мог себе это позволить – пренебречь написанным.

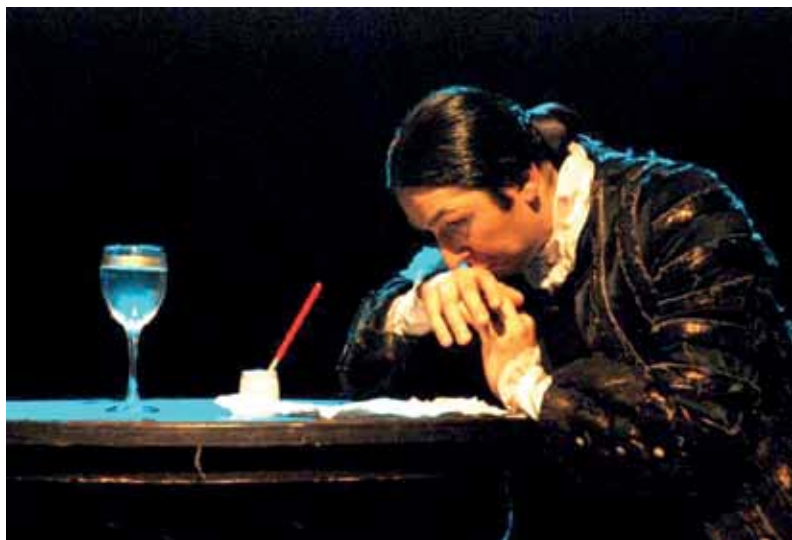
- По-вашему мнению, Сальери и Чарский – посредственности?

- Почему же? Они тоже гении. Просто существуют гении двух типов – одни достигают творческого результата мучительным трудом, другие же – без всякого напряжения. К примеру, Пиросмани нигде не учился рисованию, живописи... но он бы гением! Хотя существуют художники, много учившиеся, добившиеся совершенства и в итоге тоже признанные гениями. Моцарт – бесспорный гений. Но если послушать музыку Сальери, то понимаешь: ее написал очень талантливый человек. Вопрос, который мы ставим, звучит вполне определенно: «Где ж правота?» Но правды нет ни на земле, ни на небе...

- Но гений и злодейство две вещи несовместные... Или?

- Для меня, повторяю, и Чарский, и Сальери гениальны. Они в нашем спектакле вовсе не негодяи, убивающие из зависти. Просто Чарский и Сальери всю жизнь стремились к тому, чтобы приблизиться к Богу. И вдруг на их пути оказался кто-то... маленький. Тот, кто не заслуживает своего дара. Именно потому рождается зависть: «Как?! Ведь именно я заслужил славы,

▼ Шако Мирианшвили (Моцарт) и Джано Изория (Сальери)

а не он?!»... Сальери стремился приблизиться к Богу, найти ключ к дверям, отделяющим его от Всевышнего. У Моцарта же было десять ключей от этих дверей, но он не открывал их. Потому что знал: в любой момент он может это сделать и войти вовнутрь. Моцарт просто заглядывает за дверь и вновь закрывает ее. А Сальери хотел именно войти туда, чтобы быть рядом с Богом. Он всю жизнь думает о том, как бы ему это осуществить... А Моцарту и Импровизатору это просто дано от Бога. Как, к примеру, Галактиону Табидзе или Пиросмани... «Правды нет и выше!» - считает Сальери. Дело еще в том, что Чарский и Сальери живут по законам, следуют определенным клише. Для них дважды два обязательно четыре. А Импровизатор и Моцарт разрушают законы и стереотипы – иначе невозможно найти что-то принципиально новое. Больше всего я не хотел бы, чтобы Чарский и Сальери получились у меня мерзавцами – они таковыми не являются.

- Почему спектакль называется «Agnus dei»?

- Такое название оправданно, если предполагать, что Моцарт и Импровизатор – жертвенные агнцы в библейском смысле слова. К тому же «Agnus dei» – название одного из сочинений Моцарта.

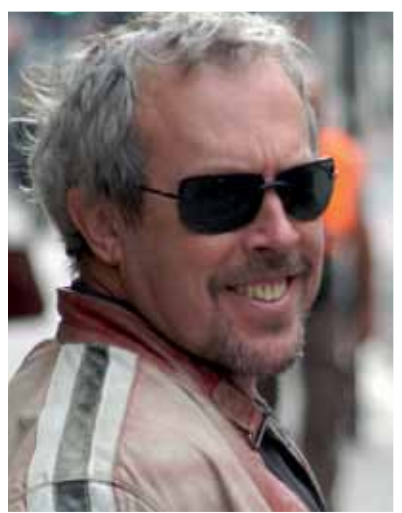
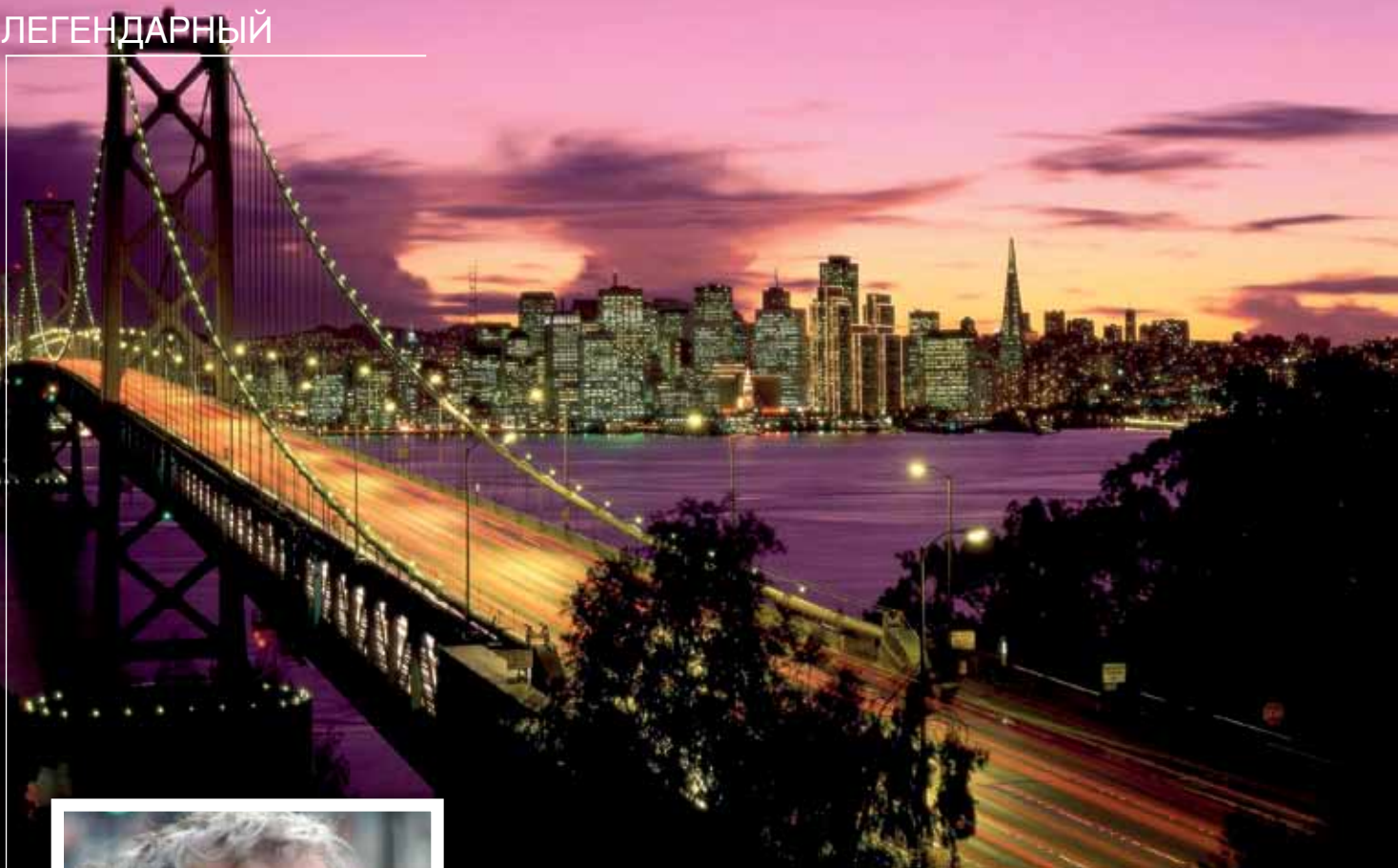
- Очень уместно участие в спектакле Театра пальцев.

- Мы хотели создать нечто вроде массовки – зашла публика, расселась. И вспомнили о Театре пальцев, артисты которого могли создать это впечатление в камерном спектакле. По-моему, они отлично справились!

- Кого в вас больше – Моцарта или Сальери?

- Пока не знаю... А вообще думаю, что в каждом есть и Моцарт, и Сальери. Но нужны годы, чтобы понять, кого в тебе больше. Возвращаясь к Сальери и Чарскому, думаю, оправдание у них все-таки есть, хотя объективно убийство человека – это ужасно. По законам трагедии у каждого персонажа есть своя правда. В противном случае трагедии не получится. Сальери и Чарский встречаются, планируют убийство, оправдывают его. Выскажу парадоксальную мысль: я считаю, что трагический уход Моцарта и Импровизатора способствовал их вечной славе. Если бы Сальери не убил Моцарта, а Чарский – Импровизатора, они не стали бы для всех тем, кем стали. То есть Сальери и Чарский помогли своим жертвам обрести статус гениев, стать, по сути, бессмертными.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Андрей Макаревич – музыкант, поэт, прозаик, художник, продюсер, телеведущий, лидер рок-группы «Машина времени». Народный артист России. Кавалер ордена Почета, ордена «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени. 24 марта на сцене Большого зала Тбилисского театра имени А.С. Грибоедова по приглашению МКПС «Русский клуб» Андрей Макаревич в содружестве с трио Евгения Борца, дуэтом Brill Brothers и певицей Этери Бериашвили представил программу «Джазовые трансформации». Рассказы Андрея Макаревича публикуются с личного разрешения автора.

МАНХЭТТЕН

Я безумно люблю Манхэттен. Если кто-то из моих друзей оказался в Нью-Йорке впервые, я веду его на Манхэттен, и переживаю его радость и изумление вместе с ним и вообще чувствую себя так, как будто я имею к созданию этого самого Манхэттена какое-то отношение. С чего бы это?

Я раньше думал – люблю за архитектуру. Эти великие небоскребы, рожденные небывалым полетом инженерной и художественной мысли, из зданий будущего на наших глазах превратились в милое ретро – как же летит время! И город приобрел новое обаяние – нигде в мире больше нет такого ансамбля ретро-небоскребов (наши сталинские высотки, одиноко торчащие из коровьей лепешки старой Москвы, считать не будем.) Вот интересно – строят на Манхэттене новые, современные высотные здания – земля-то на вес золота! – а они уже из другой эстетики, такие сейчас строят

везде, и в Китае, и в Сингапуре, и все они какие-то инкубаторские, хотя и разные – дух изменился, мир изменился. А старый Манхэттен стоит.

Теперь понял – конечно, за архитектуру тоже, но главное – другое: на Манхэттене как нигде чувствуется пространство личной свободы каждого человека, по нему идущего. Независимо от плотности потока. Мало того – ты вдруг понимаешь, что и ты окружен таким же собственным пространством. Надо же, а в Москве ничего похожего не ощущалось! Пространство это не мало и не велико, и имеет четкие границы, как кокон, и находится внутри него – очень непривычное и совершенно божественное ощущение. Поэтому – обязательная поголовная рациональная вежливость. (Помню, любили у нас сетовать на то, что американцы, де, неискренне улыбаются. Конечно неискренне – это форма общения. И лучше формальная улыбка, чем искренняя злобная харя.) Поэтому ты можешь выйти на Бродвей в розовых колготках и с ведром на голове – никто на тебя не посмотрит. До тех пор пока твой демарш не

начнет задевать пространства личной свободы других граждан – тут тебе быстро объяснят, где ты неправ. Поэтому – калейдоскоп наций, оттенков кожи, акцентов – и все равны, даже бродяга, с достоинством стреляющий мелочь у прохожих. Лозунг «Америка для белых» умер где-то полвека назад. Примерно на столько мы от них и отстаем. Поэтому энергия города очень схожа с московской, и градус ее столь же высок, но при этом она совершенно лишена негатива и агрессии, висящих над москвичами черной тучей. Да нет, конечно, хватает и тут проблем, в том числе и этнических, и любой американец будет рассказывать вам о них до утра – я говорю об ощущении человека, приехавшего издалека и вышедшего на Манхэттен.

Манхэттен, спускаясь к океану, делится на несколько маленьких миров – Гринвич уилледж, Чайна таун, Сохо. Они разные, как планеты, по которым путешествовал Маленький Принц, и надо просто перейти улицу, чтобы попасть из одного в другой. Каждый – со своей историей, культурой, архитектурой, населением. Гулять по этим мирам – наслаждение. А дальше за мостом еще Бруклин, Брайтон-бич... Ну да ладно.

Поразительно отношение американцев к закону. Закон – это то, что избавляет тебя от необходимости думать по данному поводу. Закон – это чтобы исполнять. Нашего человека такое отношение бесит. Потому что для нас закон – это препятствие в достижении собственной цели, следовательно закон – это чтобы обходить (ну, или нарушать – кто что любит) и поэтому думать тут как раз необходимо. Аэропорт в Чикаго, бар, группа наших соотечественников, людей среднего возраста. Заказывают выпить. Чернокожая милая девушка за стойкой бара: «Ваши АйДи, пожалуйста». АйДи – это любое удостоверение личности, где указана дата рождения. Соотечественники в шоке – зачем?! Девушка должна убедиться, что каждому исполнился двадцать один год. Мужикам где-то под сорок, и с ними случается истерика: «Да ты на нас посмотри, дочка! Глаза разуй!» На чистом английском, разумеется. И не могут мужики взять в толк, что не надо ей на них смотреть – закон освобождает ее от необходимости определять на глаз возраст каждого посетителя бара. Да выгляди ты хоть на семнадцать, хоть на шестьдесят! Ты показал, она проверила. И все! Ей удобно, тебе нетрудно. И ошибки исключены. Нет, мы не можем. Прав был Задорнов – во тупые!

Доживем, нет?

СИСТЕМА

Система непобедима. Она воспроизводит саму себя. Система представляет собой цепочку элементов, взаимосвязанных по одному принципу. Казалось бы – замени любой кирпичик на инородный, и система рухнет. Но именно поэтому ничего инородного система внутрь себя не допускает. Ни под каким видом.

Скучно? Сейчас объясню.

Вот режиссер заказал композитору музыку для фильма. Композитор – халтурщик, и записал всю музыку на дешевой корейской электронной клавишной игрушке. На такой пукалке даже корейские пионеры к музцированию не допускаются. А он записал все – рояль, скрипки, трубы, барабаны. Нет, конечно, платили бы серьезные деньги – он бы позвал на запись государственный оркестр кинематографии с дирижером Скрипкой. А тут – на какие шиши?

В общем звучит чудовищно. А режиссер эту музыку покупает. И вставляет в фильм. Ну, во-первых, у него что-

то с ушами. А во вторых – бюджет и, правда, позорный, он и этот-то еле выбил, а надо еще на актеров, на производство, на павильоны, на натуре... Ну и себя не обидеть. И не думает он о том, что такая музыка – уже волчий билет на любой международный фестиваль: не возьмут там такое. Он на эти международные фестивали не очень-то и рвется. Подумаешь! У нас свои есть. «Кинотавр». Чем не Канны?

А актеры тоже не очень-то рвались в этом кино сниматься. Потому что все понимают. А с другой стороны – закончили ВГИК, подавали надежды, год, два – не звонит Скорцезе! И Сокуров не звонит. А кушать надо. А на театральную зарплату не покушаешь. Да и там у них, между нами говоря, не Питер Штайн ставит. Некоторые, у кого психика покрепче, снимаются в рекламе прокладок. И в сериале «Счастливы вместе – 12». Но не у всех же актеров такая крепкая психика. Она обычно расшатана профессией. Вот и пошли с надеждой – а вдруг что-получится! Бывают же чудеса. Все-таки кино. Полный метр.

Не получится. Потому что сценарист на фильме был как раз очень известный. И в силу этого исключительно востребованный. И именно на этом отрезке времени он интенсивно работал сразу над двумя сериалами. Ну, так получилось. Он, конечно, к этим сериалам относился с должной иронией и даже с некоторым презрением. А киносценарий писал для искусства. Для вечности. Но вот на эту самую вечность все время не хватало – то сил, то времени. Нет, задумано было неплохо. Но – не дотянул. По объективным причинам. Он и не думал, что режиссер этот сценарий возьмет. А ему что-то там вдруг понравилось. Он, правда, просил кое-что переделать и дописать,

но когда? Не жизнь, а сплошной цейтнот!

Ой, я забыл про оператора. Оператор как раз мечтал на этом фильме поработать. Потому что всю жизнь снимал телевизионные программы. В основном кулинарные. И они у него очень хорошо получались. И на телевидении его хвалили. Но хотелось в искусство. Пленка, полный метр. Он, правда, очень старался. Но у него не очень получалось – не кастрюли снимать. Оказывается, разучился, сбил планку. Да и не очень-то умел, видимо. А режиссер сначала думал пригласить вместо него великого – а тот занят. С Германом снимает. Уже двенадцать лет.

А зритель постоял-постоял перед афишей – да и не пошел на фильм. Во-первых, вон в соседнем зале «Аватар против чужих» дают. А во-вторых – если все-таки кто-то из знакомых посмотрит и окажется, что можно смотреть – посмотрим дома. На пиратском диске.

Приятного просмотра!

Андрей МАКАРЕВИЧ

▲ Александр Метревели

ГОВОРИМ – ТЕННИС, ПОДРАЗУМЕВАЕМ – МЕТРЕВЕЛИ

О своем выборе говорит как о случайном. Любил и другие виды спорта, но рядом с домом были теннисные корты, он как-то пришел туда и с тех пор не покидает. Все, по его словам, было предельно просто – пришел, взял ракетку, начал играть. В этом признании есть что-то от ликующего сообщения Гая Юлия Цезаря с театра военных действий. На деле все было иначе. Алик уговорил старшего брата Петра, довольно сильного в масштабах Грузии теннисиста, познакомить его с тренером. Петра тогда отговаривали: стоит ли, дескать, мал еще. Но тот данное слово сдержал, и Алик предстал перед человеком, кому, как признается, будет вечно благодарен. С детства прикипел душой к динамовским кортам, к этому виду спорта, в котором один известный теннисист различает три слагаемых успеха высококлассного игрока – выносливость стайера, скорость спринтера, реактивное мышление шахматиста в сильном цейтноте. Наивно было бы требовать всех этих качеств от одиннадцатилетнего мальчика, и разброс спортивных интересов в детстве следовало ограничить и направить на достижение глав-

ной цели.

У Арама Хангуляна, ветерана отечественного тенниса и одного из лучших в стране тренеров, была своя теория дремучего леса, напоминающая ситуацию из немецкой сказки о Гензеле и Гретель, заведенных отцом-дровосеком в лесную чащобу, откуда не выбраться. Арам Герасимович считал, что все занимающиеся вторгаются в труднодоступные лесные заросли, и настоящими мастерами становятся те, кто самостоятельно сумеет выйти. Не подразумевался ли под этой благословенной солнечной полянкой центральный корт Уимблдона, предел мечтаний теннисистов? Наставник на самом деле метил выше. Лучший его ученик Александр Метревели потом скажет: «При всех своих достоинствах Арам Герасимович обладал особым даром педагога, воспитателя. Для него мало было вырастить просто хорошего спортсмена, мастера, чемпиона. Он стремился воспитать еще и человека, личность».

Наш давний разговор происходил в доме Метревели. Оба обстоятельно вспоминали детали минувших турни-

▲ Шамиль Тарпищев и Александр Метревели

▼ В перерыве. Фото Александра Саакова

ров, хотя хозяин поневоле прислушивался к голосам в соседней комнате – младший сын, Александр, женится, и надо обсудить с новыми родственниками немало организационных дел, ставших неожиданно общими.

...На всесоюзных зимних юношеских соревнованиях в Москве внимание специалистов тенниса привлек худенький, стройный мальчик из Грузии – легкостью движений и тонким чувством мяча. Он эмоционально переживал ход поединка, проиграв очко, вопрошающе смотрел на тренера, а после проигрыша встречи и вовсе расстроился.

Таким было начало пути в большом спорте, а начался он счастливо. Алик скоро стал первой юношеской ракеткой страны, выиграл в команде Кубок Галеа – неофициальное командное первенство Европы среди юношей, победил в юношеском и молодежном первенствах английского графства Кент, стал вторым призером Уимблдонского турнира юношей.

И тут его подстерегла беда. Отлично прошла предсоревновательная тренировка. Разделяющее первую и вторую неделю турнира воскресенье – традиционный день загородного отдыха. Гвоздь его – футбольный матч сборных команд Европы и Америки. Алик вышел на газон, идеальный как на «Уэмбли», забывая, что в футболе фамилия Метревели уже прозвучала и громко, и убедительно. Но привычка свыше нам дана, сказал поэт. На первых минутах Алик забил свой гол. И снова выходит один на один с вратарем, замахивается для удара и хватается за ногу – травма колена. Она могла стать концом его спортивной карьеры. И после операции колено немного побаливало, особенно в затянувшихся матчах. И психологический барьер неуверенности от ощущения, подсознательно мешавшего ему быстро передвигаться по площадке, принимать смелые, оригинальные реше-

▲ В паре с Ольгой Морозовой против Нейл Трумэн и Джона Клифтона

ния, от которого он избавился разве что в сезоне семидесятого.

Собственный спортивный путь делит на три этапа. Первый – знакомство с азами, изучение азбуки тенниса (1955-1960гг.). Второй – выход на всесоюзную арену, борьба с чемпионами СССР различных лет Сергеем Лихачевым, Тоомасом Лейусом, Михаилом Мозером, Рудольфом Сивохиным, Андреем Потаниным, учеба у них (1960-1965гг.). Третий этап начался с 1966 года, после завоевания звания чемпиона страны в одиночном разряде в финальном матче с Вячеславом Егоровым.

Игровой интеллект, отточенная техника помогли ему уже к середине шестидесятых одержать победы над звездами мирового тенниса Панчо Гонзалесом, Джимми Коннорсом, Лью Хоадом, Марти Маллиганом, Илие Нэстасе...

После матча на Кубок Дэвиса в 1968 году в Италии властелин грунтовых кортов Никколо Pietrangeli с досадой сказал Александру: «Много лет выступаю на мировой арене, но никто, кроме тебя, не наносил мне такого жестокого удара. Проигрывать всегда неприятно, а с разгромным счетом 0:6, 0:6, 1:6 во сто крат тяжелее».

В июле шестьдесят шестого в Бостаде, небольшом городке на юге Швеции, сильнейшие мастера мира боролись за звание победителя открытого первенства Скандинавии, а оно досталось тбилисскому динамовцу Метревели, который в финале низверг первую ракетку мира того года испанца Мануэля Сантану, как и в четвертьфинале – Pietrangeli, обыграв у них матчболы.

Эти победы вселяли надежду, что Метревели первым в истории отечественного тенниса войдет в первую десятку сильнейших теннисистов-профессионалов, он этого добился в 1974 году, став девятым, и еще первым номером среди любителей.

Дебютировав в составе сборной СССР в 18 лет, Александр Метревели два десятка лет защищал ее честь; бок о бок с ним выступал еще один воспитанник грузинской теннисной школы Теймураз Какулия, земляки завоевали немало чемпионских титулов в парном разряде. Не будем забывать, что Метревели, бессменному лидеру команды, противостояли лучшие теннисисты планеты всей. Остаться в их обойме из года в год – это ли не свидетельство высшей спортивной доблести и мастерства?

Ответ находим в отзыве лидера советского тенниса послевоенных лет, известного спортивного теле- и радиокомментатора Николая Николаевича Озерова: «Метревели – теннисист от Бога. Когда смотришь его игру, испытываешь истинное наслаждение. Это – не просто игра. Это – высокое искусство. Здесь есть все, что присуще большому искусству, большому теннису: грозные атаки, искусная защита, филигранная техника и, наконец, яркая фантазия, тонкая импровизация, без которых настоящее искусство немислимо. Метревели – первый среди советских теннисистов, кому удалось в полной мере овладеть техническими и тактическими премудростями универсальной игры, продемонстрировать на практике многие передовые идеи тенниса 60-70-х годов».

Уимблдон – теннисный рай в пригороде Лондона. Турнир неожиданностей и крушения авторитетов. В 1967-м корреспондент газеты «Таймс» передал Метревели игрушечный пистолет, с шутивным предложением застрелиться. История мирового тенниса действительно такого не знала – проиграть с матчболов три матча в трех разрядах – в одиночном, мужском и смешанном парных!

Особенно трагична была четвертьфинальная встреча вместе с Анной Дмитриевой против сильнейших в мире бразильянки Марии Буэно и австралийца Кена Флетчера. Наша пара имела матчболы и три из них на подаче Метревели в решающем гейме и проиграла.

В турнире следующего года, сильнейшем по составу участников, впервые скрестили ракетки профессионалы и любители. Самый болезненный удар профессиональному теннису нанес Метревели, дважды обыграв американца Гонзалеса, «летающего Панчо», которого

▼ Анна Дмитриева и Ирина Ермолова. Уимблдон. 1960

называли лучшим игроком всех времен и народов. Сначала в одиночном разряде, потом в третьем круге соревнований смешанных пар, с Розмари Казалс.

В финале смешанных парных встреч Ольга Морозова и Метревели выходят на площадку против Флетчера и первой ракетки мира Маргарет Смит-Корт. И очень близки к успеху, но проигрывают вторую партию, имея три сетбола 12:11 и 40:0 на подаче Морозовой.

На торжественном приеме по случаю окончания турнира не было одного из героев торжества – Алику оказывали помощь врачи госпиталя «Святая Мария». Очевидцы финала не подозревали, что при падении он повредил кисть правой руки.

«Только не подумайте, что проиграли мы из-за моей травмы, - возразил он сочувствующим. - В решающий момент нам не хватило психологической устойчивости, к тому же мы уступали соперникам в некоторых деталях техники».

Ситуация повторилась через два года. Метревели и Морозова снова имеют реальные шансы стать первой парой мира. В поединке с той же Казалс и румыном Нэстасе. В решающей партии, при равенстве выигранных геймов 5:5 на подаче соперников, счет стал «меньше». У нашей пары скрытый матчбол – следующим подавал Александр. Отбитый мяч повисает над самой сеткой, убить его проще простого.

В этот момент американка совершает перебежку, и Метревели выбирает, казалось бы, один из беспроигрышных вариантов – сильно играет в Казалс. Мяч непостижимым образом попадает в обод ее ракетки и перелетает на сторону наших спортсменов. Следует новый удар – на этот раз в промежутке между соперниками, и его каким-то чудом отбивает Казалс. Стало «ровно». Этот сет наша пара проиграла, как и решающую партию – 6:8.

Звездным часом своей блистательной карьеры Метревели считает уимблдонский финал-73 в одиночном разряде, когда играл с Яном Кодешем. Победив в полуфинале беспспорного фаворита турнира Джимми Коннора. С лидером команды Чехословакии он провел более двадцати встреч на различных турнирах и в большинстве их одерживал победы. И был для Яна неудобным соперником.

«Я настраивался на трудный поединок, - вспоминал грузинский теннисист, - знал, легким финал не будет. Но все планы спутал сильный дождь. Пришлось организаторам отложить женскую встречу, после которой нам предстояло выйти на корт. Потом все изменилось, и я не успел психологически настроиться на борьбу. Кроме того отвернулась удача, что немаловажно в соперничестве равных соперников. Вторую партию мог выиграть одним ударом, но упустил эту возможность. Матч проиграл – 1:6, 8:10, 3:6, но и сегодня горжусь, что был участником финала одиночного разряда Уимблдонского турнира».

А ведь мог и победить, что доказал через год выигравшем матч у Кодеша в принципиальной встрече на Кубок Дэвиса.

Так говорил и играл Александр Метревели, заслуженный мастер спорта. 29 раз он становился чемпионом СССР и 16 – чемпионом Европы в различных разрядах. Шестикратный абсолютный чемпион страны. Двукратный победитель чемпионата Южной Австралии и джужины австралийских и индийских штатов, многочисленных международных турниров. В рамках розыгрыша Кубка Дэвиса им проведено 105 встреч, в 78-ми одержаны по-

▲ С премьер-министром Грузии Бидзиной Иванишвили

беды. Эти цифры – красноречивое свидетельство эры Метревели в отечественном теннисе, его полного превосходства над соперниками.

В записной книжке сохранились мои давние заметки об одной из встреч с Метревели. Конец января 1979-го, года седьмой Спартакиады народов СССР. Александр несколько часов назад прибыл из Голландии, где в составе советской сборной участвовал в розыгрыше основанного в 1936 году «Кингс кап» (Королевского кубка), этого младшего брата Кубка Дэвиса, зимнего командного первенства Европы.

Мой собеседник выглядит несколько уставшим с дороги, но охотно включается в беседу.

«Вы в десятый раз подряд возглавили десятку лучших советских теннисистов по итогам года. Что бы вы пожелали молодежи?» - «Год был действительно напряженный. Мне удалось выиграть чемпионаты СССР и Европы. Что касается таблицы о рангах, то не так уж важно, каким тебя назовут: первым ли, вторым. Важно, чтобы ты показывал настоящую игру, все, на что способен. Хочу пожелать молодому больше работать над своим совершенствованием. Сейчас, когда неизмеримо возросли нагрузки на тренировках, с одним талантом, без профессионального отношения к делу настоящим мастером не станешь».

Уйдя из большого тенниса, выдающийся мастер никогда не порывал связи с ним, занимал ответственные должности – заместитель председателя Спорткомитета Грузии, тренер ее сборной, вице-президент Федерации тенниса СССР, член руководящего комитета Международной федерации тенниса... передает огромный опыт молодому. Этому делу служат и оба сына Александра Ираклиевича – Ираклий и Александр Метревели. Недавно мы все узнали: Александр Метревели-младший избран президентом Федерации тенниса Грузии.

Сам глава семьи по-прежнему желанный гость на крупнейших соревнованиях, в том числе Австралии, звание почетного гражданина этой теннисной державы он удостоен одним из первых среди иностранных спортсменов.

Журналист с дипломом Тбилисского государственного университета, он живет в Москве, работает спортивным комментатором на канале НТВ. Его репортажи с места крупнейших теннисных событий – всегда школа: смотри, слушай, учись.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом на углу Лабораторной и Ермоловской

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Прежде, чем мы снова ступим на сололакские мостовые, - пара слов об идеализме. О том самом, всеобъемлющем, грезящем всеобщей свободой и справедливостью. Желаящем принести счастье всему человечеству и зачастую приносящем немало горя отдельному человеку. «Никогда ничего не идеализирую – это может плохо кончиться», - предупреждал Оскар Уайльд. Вот и получается, что нынешняя страница, пожалуй, самая трагичная из всех, перелистанных нами. На ней – нереализованные светлые идеалы, смертельная болезнь, терроризм, созревший в молодых, горячих головах, а самое страшное – кровь. Но не заглянуть сюда нельзя. Потому что все это связано с судьбами сына и дочери двух «окраин» огромной империи, судьбами людей, объединивших культуры Грузии, Украины и России – Леси Украинки и Шио Читадзе.

Впервые Грузия предстает перед Ларисой Косач (таковой значилась в официальных документах будущая гордость украинской поэзии) заочно – после того, как в киевской квартире ее семьи, в середине 1890-х, стал снимать комнату Нестор Гамбарашвили. Молодого грузина исключили из Московского университета за участие в запрещенном собрании студентов, и он поступает в Киевский. А в семье хозяев квартиры сразу же завоевывает всеобщие симпатии, став своим человеком. Общее впечатление о нем, как о своеобразной «визитной карточке» Грузии, выражает младшая сестра поэтессы Исидора: «О веселом нраве Нестора и говорить не приходится: остроумный, ласковый и к тому же рыцарского поведения, воспитанный на лучших национальных традициях. Мы... очень полюбили его».

▲ **Леся Украинка**

А больше всех к студенту-вольнодумцу тянется Леся. У нее уже вышел сборник стихов, как и полагаются просвещенной девушке того времени, она много думает о судьбах простого народа, ненавидит облеченных властью поработителей и угнетателей. И все это несмотря на страшную болезнь – туберкулез костей. Общих интересов у молодых людей немало. Они много говорят на темы, что называется общественные, она помогает ему учить французский, приносит крамольные сочинения Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Степняка-Кравчинского. Он знакомит ее с грузинским языком, дает прочесть руставелевского «Витязя в тигровой шкуре» на русском. Леся приходит в восторг и засыпает его «вопросами о Грузии, ее природе, давней культуре, поэтах, писателях, художниках, театрах».

Конечно же, не обходится и без обмена подарками. На томике Альфреда де Мюссе, подаренном, чтобы Гамбарашвили не забыл об их «лингвистической академии», надпись по-французски: «Учителю, ученику и товарищу на память о нашем товариществе взаимной помощи – от Ларисы Косач». А еще дарится фотография, на обороте которой значится: «Желаю Вам, господин Нестор, послужить преданно и беззаветно вашей прекрасной родной стране. Когда будете нуждаться в товарищеской помощи и совете, - вспомните, что есть на свете Лариса Косач. Киев, 6. V, 1896 г.». Естественно, молодой человек интересуется, что Леся хотела бы получить в подарок из Грузии. Ответ: «Острый кинжал, как эмблему борьбы с ненавистным врагом». И на первый же заработок от уроков Нестор заказывает в Тифлисе лучшим дагестанским мастерам небольшую кинжал, отделанный серебром и гравировкой. Подарок вручается с не менее торжественным пожеланием: «Будьте крепки в вашей благородной работе, как

сталь этого кинжала. Пусть ваше слово будет острым, как этот клинок».

«Эге, да тут нечто большее, чем просто дружба», - может сказать читатель. И окажется прав – Нестор Гамбарашвили стал первой большой влюбленностью Леси Украинки. Но романтические отношения развития не получают. Через пару лет после знакомства Нестор съезжает с квартиры, женится на другой. И хотя Леся вслух реагирует лишь ироничным: «Попался, как жучка, в панскую ручку!», для нее это – настоящая драма. Настолько, что мать даже прятала от нее подаренный кинжал. Впрочем, зря она делала это. Леся до самой смерти хранила подарок и долго переписывалась с грузином, в которого впервые влюбилась. Что было в этих письмах, мы уже не узнаем – они исчезли в лихолетье гражданской войны. А спустя десятилетия появились свидетели того, как в 1958 году старший научный сотрудник Управления заповедников при Совмине Грузинской ССР Нестор Гамбарашвили приехал в Киев с дочкой и плакал на могиле Леси...

Но не одним лишь неудачным романом ознаменовано в жизни поэтессы появление молодого грузина. Именно у него собирались студенты из грузинского землячества. И помимо того, что на этих встречах Леся полюбила грузинские песнопения и заинтересовалась языком, на котором они звучат, именно там она знакомится с Шио Читадзе. Этот студент историко-филологического факультета Киевского университета полон замечательных идей о том, как надо реформировать школьное обучение. Через год после знакомства с Лесей он оканчивает учебу и сам начинает преподавать в киевских гимназиях. Пытается на украинской земле реализовать свою мысль о том, что «школа – мастерская, где душа человека должна получить форму и содержания».

▼ **Шио Читадзе**

▲ Здесь жила Леся Украинка

ние». Он активно работает в «Киевском обществе грамотности», ведет курсы усовершенствования учителей начальных школ. И затем с семилетним опытом работы и молодой женой-киевлянкой Устиньей Щербань отправляется на родину, чтобы именно там применить на практике свои прогрессивные теории.

Лесю продолжает терзать болезнь, которой девушка отнюдь не собирается сдаваться. Она несколько раз лечится за границей, издает еще два сборника, разъезжает с поэтическими чтениями. И не отрекаясь от политических убеждений, переводит на украинский, готовя к изданию работы не кого-нибудь, а Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В первую очередь, «Манифест коммунистической партии». А вот в личной жизни – опять неудача, причем, трагическая. От туберкулеза умирает ее возлюбленный, белорусский журналист, поэт (и, конечно, революционер) Сергей Мержинский. У самой Леси болезнь тоже обостряется, оставаться в Киеве зимой нельзя, а тут – письма из Грузии. Ее добрый друг-земляк Климент Квитка работает в Тифлисе помощником секретаря окружного суда, приглашает приехать. И в 1903-м Украинка впервые отправляется в Грузию, в страну, которую обожает заочно. С Читадзе она встретилась уже в тот самый первый короткий приезд, когда, лишь перезимовала в южном городе, а потом вернулась в Украину. Есть свидетельства, что именно Шио познакомил ее тогда с «музыкантом-этнографом Палиевым», то есть с великим грузинским композитором Захарием Палиашвили. А вот следующее появление Леси в Тифлисе еще теснее связывает ее с Читадзе.

С октября 1904 года Леся живет в Тифлисе более полутора лет. Живет в квартире, которую Квитка снял на границе двух старинных районов – Сололаки и

Мтацминда. И вот что интересно. Несмотря на то, что в Украину оттуда ушло немало писем с обратным адресом: «Давыдовская улица, дом Гамрекели», вплоть до конца прошлого века не удавалось точно установить, где именно жила поэтесса. Выросли новые строения, крутые улочки переименовывались, номера домов менялись. И лишь благодаря усилиям доктора искусствоведения Надежды Шалуташвили удалось точно определить нынешний адрес. При этом тбилисцы еще раз доказали, что они в любом деле остаются тбилисцами. Окрестные жители рьяно подключились к поискам и общими стараниями дом был определен: номер четыре на нынешней улице Василия Мосидзе. Сегодня окна квартиры, в которой жила классик украинской поэзии, выходят прямо на памятник классику грузинской литературы Сулхан-Саба Орбелиани.

Именно из этой квартиры Украинка пишет сестре: «Хата у меня прекрасная, в красивой и здоровой части города, и вообще я чувствую себя как дома». А вот – и доказательства этого самочувствия: она много и плодотворно работает, здесь пишутся драматические поэмы «Одержимая», «Вавилонский плен», «На руинах», «Осенняя сказка», «В катакомбах». И, вдобавок ко всему, отсюда буквально несколько минут ходьбы в Сололаки, к приятелю по Киеву Шио Читадзе. Он уже воплощает в жизнь свои идеи: школьное обучение надо строить в зависимости от возраста и уровня развития детей, стимулировать интерес к учебе. А для этого педагог должен иметь прочную научную и психологическую подготовку. Еще одна из главных задач, о которых можно прочесть в работах Читадзе, – обучать детей на родном языке и одновременно глубоко изучать русский. Впервые организовав съезд учителей Грузии в разгар революционных событий 1905 года,

он высказывается за реформу общеобразовательной школы «на принципах свободного воспитания» и реально проводит ее.

Поле деятельности для этого – преотличнейшее: большое учебное заведение на стыке улиц Лабораторной (ныне – Ингороква) и Ермоловской, носящей сейчас имя самого Шио Читадзе. Сегодня в публикации биографии выдающего педагога и общественного деятеля этому учебному заведению даются различные названия. Вплоть до классической гимназии №1, которая по сей день находится совсем в другом месте, на проспекте Руставели, бывшем Головинском. Что ж, понять эти неточности можно: время делает свое дело. Однако, если мы заглянем в пожелтевшие листы «Кавказского календаря» за 1905-1906 годы, то сможем извинить авторов современных справочников и энциклопедий. Даже в изданиях, вышедших в свет при жизни Читадзе, название «Тифлисская дворянская школа» чередуется с «Тифлисской дворянской частной гимназией». Главное же в том, что это учебное заведение – частное, и Читадзе может работать без оглядок на многие официальные циркуляры. Он инспектор (заведующий) этой школы, к тому же преподает в ней русский язык и эстетику.

Леся Украинка часто приходит в школу, где учатся по новой, читадзевской системе – квартира ее друга в том же здании. «Была у Читадзе, где нас принимали изысканно и приятно»... «Только что была госпожа Читадзе, я к ней захожу частенько», - сообщает она матери в Киев. Помимо приятного общения есть еще одна польза – украинская гостья знакомится здесь с прогрессивной грузинской интеллигенцией. Отсюда хозяин квартиры ведет ее в детский журнал «Накадули», специально для которого она обещает редактору, писательнице Нино Накашидзе сочинить стихи. Увы, из-за болезни это обещание не было выполнено.

Ну, а разговоры в квартире на Ермоловской отнюдь не только о литературе. Ведь на дворе – 1905 год, стрельба, кровь, казаки и жандармы разгоняют, преследуют, убивают. В беседах Читадзе подчеркивает, что основная масса пролетариев – за марксистов-искровцев, «в их руках будущее». Он задумывается, каким будет завтра, потому что убежден: совершить революцию еще не достаточно, не менее важно прививать людям новую мораль, новые этические нормы. И, в первую очередь, это касается литераторов и педагогов: в школе, по его словам, непочатый край работы – она оторвана от реальных проблем. Сам он – не большой сторонник насилия в борьбе за народное счастье, а вот Украинка – наоборот. От гостей Читадзе она немало наслушалась о том, что происходит в рабочих районах города, и поэтому забывает «спокойные» темы, считая бунтарские более актуальными.

Она даже переписывает в Тифлисе уже готовую «Осеннюю сказку», создавая новые психологические портреты поработителей и невольников. Она уверена, что «все окончится настоящей весной». А еще тяжело больная, но стремящаяся к борьбе женщина отрицает тишь и спокойствие в быту, видя в них мещанское благополучие. По ней – уж, лучше, ад:

*В ад угодить, быть может, интересно...
Я все же знаю, что зовется адом.
Попасть же в рай (надежда ль есть такая?) -
Там нет печали, горя, - нет и счастья,
И нет любви, сердечного участия –
Такого рая я не понимаю.*

Мало того, в ее стихах – настоящие революционные призывы. «В Тифлисе был ... один такой «весенний» день, когда лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера. Не до спокойных тем при таких обстоятельствах», - пишет она в Киев. И рождается такое:

*Новую песню слагайте, друзья.
Так, чтоб она засияла лучами,
Так, чтобы ясное красное знамя,
Следом за нею взлетев в небеса,
Реяло гордо, творя чудеса!*

Этот настрой в стихотворениях можно понять, прочитав, что она пишет в прозе – матери. Давайте, прочтем хотя бы один – с восторгом написанный – отрывок из письма. Он стоит этого, хотя бы потому, что далеко не все мы знаем о событиях февраля 1905-го, которые там описываются: «Здесь были волнения во всех средних школах, в том числе и в женских, в институте «благородных девиц» и... в епархиальном училище! В мужских гимназиях устраивали сходки, били окна, добились отставки нескольких учителей и одного директора. В грузинской же дворянской школе (где Читадзе) выработали новый устав с правом сходов в присутствии учителей и с ученическим советом, который имеет право делать свои заявления в педагогический совет. Сие было добыто без битья окон и других бесчинств, благодаря такту директора ... В женском институте были волнения из-за перевода одной ученицы из старшего класса в младший, чтобы освободить вакансию для дочери начальника края. А учитель, который протестовал, вынужден был уйти в отставку. Девицы вступились за подругу и учителя, выбили окна в знак

▼ Климент Квитка

протеста, а начальницу, пришедшую их успокоить, забросали туфлями, избили и выгнали вон. Она подала в отставку, а институт пока что закрыт... Вот какие дела!»

А за стенами учебных заведений – настоящие бои, город охвачен мятежами и стачками. Леся признается, что оставаться в Тифлисе ей «все неприятнее с принципиальной стороны». И в начале июня 1905 года уезжает на родину. Но в том же году участвует в манифестации петербургских рабочих на Невском проспекте, а из Киева пишет одной из подруг: «Теперь такое время, что не раз и сын против отца должен восстать, хоть это так тяжело для обоих». Ох, уж, этот радикальный идеализм на бумаге! К каким рекам крови он приводит в реальности... Поэтесса, теоретически оправдывающая неминуемые жестокости революционных событий, и предположить не могла, что именно они унесут жизни близких ей людей. В том самом году, когда она призвала сыновей восстать против отцов.

Раскроем утренний выпуск петербургских «Биржевых новостей» за 1906 год: «ТИФЛИС, 5-го июля. В момент бросания бомбы в полицмейстера (Мартынова) из здания грузинской дворянской гимназии, там происходил педагогический совет учительского персонала. После залпов, сделанных казаками, помещение гимназии было обыскано. Убит наповал инспектор гимназии Читадзе, избит тяжело учитель Пиоти, три учителя арестованы». На следующий день – дополнение в «Русском слове»: «ТИФЛИС, 6, VII. Инспектор дворянской гимназии убит в своей квартире; у него произведен полный разгром. Разгромлено также остальное помещение гимназии. Здоровье арестованных учителей Глonti и Абуладзе внушает серьезные опасения. Действительные виновники взрыва не задержаны». А это – из романа Отара Чиладзе «Железный театр»: «Ученики первой тбилисской мужской гимназии бросили бомбу в

полицейстера, ехавшего в своем экипаже. Директор гимназии Шио Читадзе не успел даже толком разобрататься, что происходит, что за шум в гимназии, как ворвался в его кабинет казак и разнес ему череп пуценой в упор пулей. Жена Шио Читадзе, узнав о случившемся, приняла яд – так ей стало страшно остаться одной, без мужа в этом озверелом мире; она даже не подумала о том, что сама покидает на произвол судьбы двух малолетних детей». Мы с вами уже знаем, что эти события происходили совсем не «в первой тбилисской мужской гимназии», но менее ужасными они от этого не становятся.

И вот, что поразило меня, когда я впервые читал все это. Почему пострадал именно Читадзе, «повинный» лишь в свободном воспитании молодежи? Да еще пострадал в своей квартире, а не в помещениях, из которых могли бросить бомбу? Зачем казаку понадобилось стрелять в безоружного человека, вовсе не похожего на террориста? Часть ответов на эти вопросы была получена, когда удалось разыскать малоизвестный широкой публике документ. Познакомьтесь с его автором – Николай Бигаев, офицер конвоя главного начальствующего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа (так именовался тогда кавказский наместник). В его воспоминаниях – события, в которых он сам участвовал.

Итак, в тифлисского полицмейстера подполковника Петра Мартынова бросают бомбу «из окна второго этажа грузинской дворянской школы со стороны Лаботорной улицы». Полицейстер тяжело ранен, сопровождающие его казаки оцепляют здание, а Бигаев появляется на месте событий через пять минут – помещение конвоя было совсем рядом, примерно, на месте нынешнего сквера за зданием парламента. Генерал-губернатор Тифлисского района пребывает в растерянности, и Бигаев с несколькими казаками, выломав запертую дверь, входят в гимназию. Там их самих чуть не подстреливают снаружи те, кто увидел неясные тени в стеклянной галерее. В комнате, из которой брошена бомба, на полу – еще одна, «вполне готовая к метанию, цилиндрическая», рядом – графин воды и куски хлеба. Казалось бы, все ясно: террористы скрылись и нельзя определить, были ли они учащими или просто использовали помещение. Но вслед за Бигаевым в здание уже врываются жаждущие мщения казаки, полицейские, жандармы, и начинается «погром гимназии, особенно квартиры инспектора, находившейся в верхнем этаже и выходявшей на другую, институтскую улицу». В этой квартире проходило заседание педсовета, а стражи порядка «начали рыскать по всем комнатам, ища злодеев-бомбистов». Теперь предоставим слово самому Бигаеву: «Один из казаков конвоя, с ружьем на изготовку, открыл дверь в квартиру инспектора школы г-на Читадзе. В этот момент последний, стоявший, очевидно, у самой двери, инстинктивно схватил рукой за дуло винтовки... Раздался выстрел и Читадзе упал мертвым, получив рану в голову. Прочие учителя бросились прятаться, кто под тахты, кто в подвал и т. д. Одного из них полицейские нашли и с криком и шумом выволокли в коридор и здесь стали его избивать. На крики избиваемого прибежал и я. Увидев зверскую расправу, я прикрикнул на толпу, схватив казака за руку, направившую острый кинжал в живот жертвы... Меня сдавил в своих объятиях огромного роста человек, весь в крови, умоляя спасти его, невинного преподавателя грузинской школы... Он указал мне, что его товарищи тоже находятся в школьном помещении...

▼ Полицейстер Петр Мартынов

▲ Гостиница «Северные номера» в Тифлисе

Я побежал спасать других учителей. Войдя в квартиру инспектора, я наткнулся на труп Читадзе... В следующей комнате на мой зов из-под тахты вылез человек и бросился на колени, умоляя пощадить его - отца девяти душ детей...»

Страшно представить, что все это – не страницы исторического романа, а подлинные события... Но, увы, трагедия в тифлисской гимназии – лишь одно из многих доказательств того, как из-за террора, проводимого одними людьми, страдают другие, совершенно невинные. Во все времена власть, достойная того, чтобы в нее бросали бомбы, в отместку не разделяет граждан на правых и виноватых. Вспомните, и здесь «действительные виновники взрыва не задержаны»....

Неизвестно, когда Лесья Украинка узнала о гибели своих друзей – Шио Читадзе и его жены. Но, несомненно, это известие добавило немало горя в ее и без того нелегкую жизнь. Вообще, за те два с лишним года, которые прошли до ее окончательного переезда в Грузию, она успевает немало: активно занимается общественной деятельностью, организует библиотеки и различные кружки, пытается издавать газету. И даже вместе с сестрой проводит ночь в полицейской каталажке – после обыска в качестве «неблагонадежной». В это время в ее жизни открывается и счастливая пора тифлисской жизни: в 1907-м – бракосочетание с Климентом Квиткой, их окончательно сблизило пребывание в грузинской столице. Но, к сожалению, над всем этим довлеет болезнь Леси – не отступающая, безжа-

лостная, мучительная...

В 1908 году Грузия принимает украинскую поэтессу с мужем уже на пять лет, до самого конца ее жизни. Основными городами жизни Леси становятся Телави, Кутаиси, Хони – места работы супруга. А в поселке Сурами она провела свои последние дни. Конечно же, об этих годах ее жизни можно сказать очень многое, тем более что, современники отмечали: «Она очень любила грузин, говорила, что грузинская нация близка украинцам». Но у нас – тифлисская страница. И, в связи с этим, заглянем в декабре 1908-го на Дворцовую площадь. Именно там, в гостинице «Северные номера», останавливалась Украинка, в последний раз проезжая через Тифлис. Гостиница стояла рядом с Национальным музеем Грузии, тогда – Кавказским музеем. И, если бы сохранилось это здание, в котором потом был ломбард, то на нем обязательно была бы еще одна мемориальная доска, посвященная Лесе.

А в завершение этой страницы – о горькой иронии судьбы, которая по-своему интерпретирует людские идеалы. В здании школы, где жил, работал и был убит педагог-гуманист Шио Читадзе, многие годы располагался... «карающий меч революции» Закавказская и Грузинская ЧК, затем ОГПУ. А когда, в 1930-е годы, для чекистов выстроили новое здание НКВД-МГБ-КГБ, оно разместилось на улице... пламенной мечтательницы Леси Украинки.

Владимир ГОЛОВИН

▲ Отар Чиладзе

ПУТЬ В БЕССМЕРТИЕ

Исполнилось 80 лет со дня рождения Отара Чиладзе, выдающегося поэта, прозаика, драматурга, публициста, чей земной путь прервался 1 октября 2009 года. Грузинская словесность потеряла творца крупнейшего дарования.

С Отаром Ивановичем меня связывала давняя дружба. Вспоминаю 1959 год, когда вышел первый сборник его стихотворений «Поезда и пассажиры», на который я первым из наших писателей откликнулся восторженной рецензией, отметив, что в грузинскую литературу пришел поэт, сумевший сказать новое слово.

В разное время мне неоднократно случалось писать о его неповторимом писательском мастерстве. Но наиболее полно свое мнение я высказал в пространный эссе «Из повседневности в вечность», опубликованном в альманахе «Критика-2010», спустя год после кончины моего друга.

Не будет лишним привести мнение видного критика, специалиста по современной грузинской литературе Гурама Асатиани, который зорко и заинтересованно следил за живыми процессами в нашей словесности: «Отар Чиладзе с самого начала выделялся в первую очередь драматически обостренным духовным восприятием действительности. Именно он и поэты его поколения шестидесятников донесли до нас острые коллизии действительности, которые продолжают воздействовать на сознание современников. Наряду с этим он как поэт мощной духовной потенции постарался проецировать свои чувства на обширном отрезке времени и пространства».

Неоднократно признавалось – мир поэзии Отара Чиладзе ни на кого не похож, он осязаемо конкретный и предметный. В нем нет ничего лишнего, на чем может задержаться глаз. Слова подобраны предельно точно. Поэт проявляет удивительную лаконичность в выборе изобразительных средств, но это не снижает неумный темперамент автора.

Неожиданный в прозе, Отар Чиладзе в своих романах с большим размахом, силой дает волю своей фантазии. Это обилие сравнений, метафор, символов и близких по содержанию эпитетов. Повествование в основном обретает форму внутреннего монолога, диалоги сведены до минимума, и это представляется нам как тщательно продуманный стиль писателя.

Главное в его жизни и творчестве – Отар Чиладзе никогда не забывал, что он наследник великого прошлого, и никак не мог смириться со свидетельствами упадка и вырождения. Этой раздирающей его душу теме посвящены большая часть его публицистики и цикл романов.

Мастерство Отара Чиладзе вначале проявилось в композиции лирических шедевров. Это похвальное качество затем в полном блеске проявилось в романах и особенно в его последнем романе «Годори», где с невиданной доселе мощью и правдой показан апокалипсис удручающего падения нравственности нации. В экспозиции романа Папа римский посылает в Грузию полномочного посла Лодовико из Болоньи. Тот прибывает с надеждой, что эта христианская рыцарская страна поможет Европе в борьбе с османскими полчищами. Но его ждет разочарование. Его взорам предстает земля, утерявшая свою силу после двухсотлетнего пребывания под владычеством монголов. Финал романа рисует картину разорения и упадка. После первого визита Лодовико миновало шесть веков, но изменений к лучшему не произошло. Перед читателем предстают все те же пустыющие поля, жалобный крик одинокой сороки на каштановом дереве...

Впечатляет монолог Лодовико, выраженный в форме стихов, о том, что эта страна, утерявшая свое величие, все же вернет свой прежний облик:

*Навсегда мы лишь то теряем, с потерей
 чего примирились.
 Но если без обретения жизнь не имеет смысла,
 тогда оно возвращается, точнее – рождается заново,
 и однажды,
 как земля из вод
 иль как из молока головка сыра,
 восходит в ослепительном сиянье...*

В 1995 году мой старший друг стал номинантом на Нобелевскую премию по литературе, среди самых избранных, но в комитете рассудили иначе.

Институт грузинской литературы имени Шота Руставели к годовщине со дня смерти О.Чиладзе издал специальный номер альманаха «Критика-2010», где творчество писателя рассмотрено и проанализировано всесторонне. Это нужное и полезное дело заслуживает продолжения. Его богатое наследие и впредь будет оставаться мерилом мастерства для будущих поколений.

Издательство «Интеллект» в серии «Записки» в том же году выпустило в свет книгу О.Чиладзе «Небо начинается с земли». Знакомство с ней убеждает нас в том, что трудно назвать другого современного грузинского писателя, который столько сил отдал работе над совершенствованием своего мастерства и отразил трагические события двух последних десятилетий.

В этой книге читатель встретит и такое откровение. 7 сентября 1982 года Отар Иванович, отдыхая в доме творчества писателей в Пицунде, сделал запись в дневнике: «Сегодня спас ребенка, тонувшего в море. Я счастлив!» В этой трогательной записи проявился весь Отар Чиладзе, неутомимый певец жизни и радости.

Последнюю книгу стихов, очень важную для него, он писал в течение тридцати лет и неслучайно озаглавил «Помни жизнь». Она звучит как завещание потомкам.

Многие из нас знают, какое завидное братство связывало Отара и Тамаза Чиладзе. Миновало два года после кончины младшего брата, когда Тамаз опубликовал исполненную печали книгу «Вместе с Отаром», которая включает драгоценные для будущих исследователей материалы. Не говоря о высоких литературных достоинствах, это пример воли и гражданского долга.

Не буду вдаваться в подробности, пересказывая эту редкую и очень правдивую книгу. Приведу лишь один факт – доказательство того, какую огромную силу обретает истинно художественное слово.

Лучший роман Отара Чиладзе «И всякий, кто встретится со мной» восхитил педагога из Новосибирска, профессора Эльвиру Горюхину. В 1982 году, посетив Тбилиси, она пришла к Отару Чиладзе и рассказала, что в одной из новосибирских школ, в старших классах, этот роман включили в учебную программу.

Понятно, почему Тамаз Чиладзе пишет с такой гордостью об этом факте. «Это было настоящей сенсацией – в истории русской педагогики не было случая, чтобы в выпускных классах для обязательного чтения вводили роман писателя другой страны».

Профессор Э.Горюхина в своем начинании встретила немало возражений как со стороны родителей, так и от именитых коллег. Но после того как семьдесят ее учеников единодушно написали восторженные отзывы на книгу, предложение было поддержано.

Все мы, коллеги и товарищи Отара Чиладзе, - свидетели того, что он всегда находился в потоке жизни, не чурался трудностей и не отступал перед ними.

С кончиной Отара начался его путь в бессмертие. Подтверждением этому служит то, что грузинский народ определил местом его упокоения Пантеон Мтацминды, рядом с Важа Пшавела.

**Эмзар КВИТАИШВИЛИ
 Перевел Арсен ЕРЕМЯН**

ОТАР ЧИЛАДЗЕ

(1933-2009)

Стихотворения

***

Как мокрые замызганные псы,
 визжат и воют у порога тени,
 и снова просят дверь открыть –
 в часы, когда вокруг беззвездное смятенье.

И снова каплет мгла или вода,
 которая вся тиной покрылась,
 а может, рана, та, что не видна,
 но вдруг от одиночества раскрылась,
 а может, обесмыслившийся миг,
 похожим став на капающий крик.

И я – чем на земле я заменяю
 покинувших ее, чтоб возродиться?
 Стать кровью теплой не дано огню,
 а обещанью – в клятву превратиться.

Не избежать на свете ничего.
 Пуль не вернешь – у пуль такое свойство,
 и не обеспокоит никого
 то, что твоим зовется беспокойством.

Река сама съедает берега,
 и от души, которую так гложет,
 надежду – ее главного врага –
 никто прогнать не смог,
 да и не сможет.

Вся жизнь моя, как зеркало природы,
 и, как изголодавшаяся мышь,
 среди людей – существ иной
 природы,
 рискуя жизнью, пищу ищет мысль.

Прощай, свобода моря в буйстве белом!
 Но и вдали, исхлестан красотой,
 я слушаю своим оглохшим телом
 твой вечный голос – бодрый
 и простой.

***

Он упрямо писал и писал,
 ни на миг не подняв головы.
 Он писал, словно всех спасал,
 тех, что живы, и тех, что мертвы.

Его мучило что-то всю ночь,
 словно скрытый недуг и печаль.
 Тень хотела помочь, словно дочь.
 Он упрямо писал и писал.

Словно прахом всех лет прожитых,
 он страницами стол забросал.
 Ветер дул, и, пока не затих,
 человек все писал и писал.

Переводы Евгения Евтушенко

В ОЖИДАНИИ ДАТО

Казалось бы, Дато Турашвили – абсолютно медийный персонаж. Нет передачи на радио и телевидении, где он не принял бы участия, нет газеты и журнала, которым он не дал бы интервью или комментария. Но это не от всеядности. Желанный собеседник, умный и открытый, он просто нарасхват. И к тому же совсем не умеет отказывать в просьбах. Даже журналистам.

Он честен во всех проявлениях, но все-таки его общительность и открытость во многом кажущиеся. Не оставляет ощущение, что на самом деле он очень закрытый человек, дистанцированный и избирательный. Дато Турашвили – писатель по призванию, образу жизни, складу ума и характеру. А значит он, прямо скажем, существо потустороннее.

В свое время Чехов приоткрыл дверь в профессиональную кухню: «День и ночь одолевает меня одна неотвязная мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу... Вот я с вами, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя».

Для Дато писательский хлеб так же тяжел, но, в отличие от чеховского Тригорина, сладок. А в остальном все похоже. Вот он смотрит, улыбается, отвечает, задумывается... Но он не со мной. Абориген, плоть от плоти родной грузинской земли, он в то же время инопланетянин. Он в своих мирах. Миры витают, шелестят, звенят вокруг него. Ему остается лишь дотронуться до них, превратить в буквы и вывести на экран своего компьютера.

Дато и родился-то не так, как все, - ногами вперед. По примете, такой человек всю жизнь будет бежать впереди паровоза...

Самое первое воспоминание связано с детским садом – он стоит у окна, ждет маму, которая запаздывает. Осень, двор усыпан опавшими листьями, и Дато очень хочется плакать.

Он рано научился читать и пристрастился к чтению крепко, на всю жизнь. Он и сейчас ни единого дня не проводит без книги, считает, что альтернативы ей нет и не будет, и вообще книга для него – один из атрибутов райской жизни.

Еще учась в школе, начал писать. Напару с одноклассником Акой Морчиладзе (в то время, разумеется, Гио Ахвледиани) даже предложил свои рассказы в литературный журнал, который юных писателей отправил восвояси.

Дато всегда был уверен, что все писатели – великие добрые волшебники. В 15 лет ему улыбнулся и пожал руку волшебник Нодар Думбадзе. А потом рассказы

◀ Фото Михаила Квирикашвили

▲ С супругой Макой и дочерьми Анной-Мариам, Лизой и Софией

Дато прочитал волшебник Резо Инанишвили. Позвонил ему домой. Трубку взяла мама, и выдающийся писатель сказал ей, какой талантливый у нее сын. Как же Дато был счастлив!

Что изменилось с тех пор? Дато понял, что никакое волшебство не произойдет, если его не сотворишь, и сам стал волшебником. Узнал, что в прошлой жизни был исландским рыбаком. Мечтал стать великим футболистом, но не сложилось. Сегодня он не знает, что такое счастье. Свободно говорит на пяти языках. Боится всего, кроме смерти, потому что помнит: наша жизнь – лишь часть той, вечной. А вот его мама считает, что Дато хоть и вырос, да так и не повзрослел, не поумнел (впрочем, какая мама так не считает?)

Он учился филологии в Тбилиском университете, истории искусств и кино – в университетах Мадрида и Лондона, киндраматургии – в мастерской Эрлома Ахвледiani Грузинского театрального университета. В этом смысле он особый грузин. Как шутиливо говорит сам Дато, грузины, при том, что платят за учение огромные деньги, не любят учиться – только в грузинском языке есть устойчивое выражение «რა უნდა მასწავლო, ძმაო?» - «Чего ты, брат, меня учишь?»

Дато – трудяга. Впрочем, он живет только на гонорары, так что лениться не получается. Да он и не хочет, настолько ему нравится писать.

А еще он, почти как один великий русский, не может молчать. Неравнодушный и эмоциональный человек (и вообще – по-хорошему нервный) он ни разу не остался в стороне от того, что творится в стране. Ему не все равно. Еще в студенческие годы он был в числе лидеров кампании по закрытию военного полигона у монастырского комплекса Давид Гареджи. Кампания была результативной – испытания военной техники прекратились.

Дато и сегодня темпераментно высказывается по злободневным вопросам. Осенью прошлого года, ком-

ментируя предвыборный тюремный скандал, он даже крепко выругался в прямом эфире. Зрители ему это с удовольствием простили, наоборот, он даже стал интернет-героем. Выругаться-то в той ситуации хотелось всем, Турашвили лишь реализовал общее желание.

Самой популярной из его книг остается «Джинсовое поколение» - о трагической попытке угона самолета группой грузинских молодых людей в 1983 году. Роман по-прежнему пользуется спросом, а одноименный спектакль в тбилиском Свободном театре вот уже 12 лет неизменно собирает аншлаги.

Новая книга Дато Турашвили – «В ожидании Додо» недавно была презентована в Кутаиси. Дато вновь побегал впереди паровоза и призвал коллег-писателей поддержать почин, вспомнить, что Грузия – это не только Тбилиси, и представлять свои книги в различных уголках страны.

Несколько лет назад он перенес инфаркт, сложнейшую операцию и клиническую смерть. Говорит, что умерев, видел ад и теперь знает что это такое. Целый год он переживал депрессию. Целый год у него по щекам текли слезы... А потом он подробно описал все, что с ним произошло. И пришел в себя.

Дато пишет самым сложным стилем – лаконичным. И в самом деле, зачем писать сложносочиненными предложениями, если можно – простыми. Не знаю, знаком ли ему совет Чехова молодой писательнице, но он словно именно им руководствуется: ««Вот, например, у вас сказано: «И она готова была благодарить судьбу, бедная девочка, за испытание, посланное ей». А надо, чтобы читатель, прочитав, что она за испытание благодарит судьбу, сам сказал бы: «бедная девочка». Вообще: любите своих героев, но никогда не говорите об этом вслух!»

Как-то один критик назвал манеру Турашвили репортажной, как у Хемингуэя. Дато, конечно, был польщен. Но, по-моему, у него есть более очевидные

▲ С Акой Морчиладзе и Кахой Буачидзе

собратья по стилю – Шервуд Андерсон и Сергей Довлатов, который, кстати, любил повторять: «Сложное в литературе намного доступнее простого». Дато Турашвили минимальными выразительными средствами вызывает максимальные эмоции. Его предложения короткие, а переживания читателя долгие.

С «Русским клубом» Дато Турашвили связывает творческое общение – он был участником V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Кстати, выступив на открытии фестиваля в Батумском драматическом театре, бесконечно расположил к себе публику и получил заслуженную овалцию. Что и говорить, классный рассказчик.

На интервью согласился легко. Договорились побеседовать обо всем понемногу. В стиле Турашвили. Коротко, но выразительно. Такой большой блиц...

- Некоторые считают, что интеллигент вообще и художник в частности обязан быть в оппозиции к власти. Вы согласны?

- Не могу отвечать за других, но лично я всегда буду в оппозиции к любой власти. По многим причинам. Назову только одну, которую в свое время озвучил Габриэль Гарсиа Маркес: «Я хочу служить своему народу, а не правительству моего народа».

- В одном из интервью вы сказали, что политическая деятельность для вас неприемлема, потому что ограничивает свободу. Что такое свобода в вашем понимании?

- Я и тогда сказал, и сейчас повторю, что членство в любой политической партии ограничивает свободу человека. Может, для других это как-то по-другому, но для меня – именно так. Свобода, по-моему, это категория духовного и умственного состояния. Это ответственность и признание того, что любой другой человек имеет право на другое мнение и другой выбор.

- Случалось ли, что соотечественники вас удивили?

- Они часто меня удивляют. И это мне очень нравится. Если бы я был ученым, я бы изучил скрупулезно своеобразие грузинского характера. Но я только тем и занимаюсь, что пишу, точнее, описываю моих соотечественников.

- Когда вы удивлялись поступку грузина в последний раз?

- Меня удивил грузинский доктор Миша Омиадзе,

который сделал уникальную операцию львенку тбилисского зоопарка.

- У кого вы учились как писатель?

- Я учился у авторов тех книг, которые читал и читаю. И продолжаю учиться.

- А именно? Давайте так: какие десять книг вы взяли бы с собой на необитаемый остров?

- Наверное, я взял бы с собой «Дон Кихота» Сервантеса, Шота Руставели, Марка Твена, Сергея Довлатова, Бунина, Маркеса, Библию, Керуака и Борхеса. Хотя сейчас никто не берет книги с собой на остров. Берут планшет Kindle с тысячей книг.

- Есть ли мужская и женская проза? И можете ли вы определить по тексту, кто его автор?

- В основном, да.

- А чем, на ваш взгляд, отличается мужская проза от женской?

- Чувством юмора.

- В чем вообще предназначение писателя?

- По советским меркам писатель – это некто между небом и землей...

- Небожитель...

- А по западным понятиям, писатель – это тот, кто пишет книги.

- Вы много переводите. В том числе и поэзию. Но ведь стихи – это совсем другая материя, а вы стихов не пишете?

- Да, я стихов не пишу. И все-таки иногда перевожу, и это для меня огромное удовольствие.

- У вас есть любимые поэты?

- Люблю Антонио Мачадо, Маяковского и Сильвию Плат.

- Говорят, сложнее всего писать книги для детей и веселые, юмористические книги? Это правда?

- Что касается веселых книг – у меня это получается легче. А вот писать для детей и правда трудно.

- Почему?

- Детей невозможно обмануть.

- Как вас воспитывали?

- Я бы сказал так: благодаря родителям я с детства люблю читать.

- Чему вас успела научить жизнь?

- Грустно...

- Уточните?

- Нет. Пусть каждый читатель сам для себя решает, что я имею в виду.

- Чему вы успели научить своих детей?

- Стараюсь объяснить им, что в жизни не все грустно.

- Ваши любимые места в Тбилиси, в Грузии, в мире?

- В Тбилиси люблю места моего детства, и об этом есть еще ненаписанная книга, которая называется «До шестнадцати запрещено». Любимых мест по всей Грузии очень много. Что касается других стран, наверное, это все-таки Испания.

- Что вы предпочитаете – одиночество или компанию?

- В компании и для компании я, конечно, очень веселый человек. Но книги на самом деле в основном пишут очень одинокие люди.

- Вы как-то сказали, что забываете про свой возраст. А на сколько лет вы себя ощущаете?

- Я не люблю свой день рождения и никогда не отмечаю. Даже не считаю, сколько мне лет. Этим занимается моя жена.

- Знаете, Пастернак тоже никогда не отмечал свой день рождения и вообще считал его днем траура. А по-

▲ На встрече с читателями

чему вы не любите этот день?

- По тем же простым причинам.

- Вы автор книги «Если бы я был футболистом». Что для вас значит футбол?

- Эту книгу я написал потому, что в детстве играл в футбол и мечтал сыграть за сборную Грузии. Но футбол для меня не просто вид спорта. Однажды я обнаружил, что не футбольные страсти в футболе меня интересуют больше, чем само спортивное состязание.

- Что бы вы пожелали моему сыну Вако? Он занимается футболом.

- Конечно, стать чемпионом мира! А иначе зачем играть?

- Какие эмоции дала вам работа над переводом книги «Я – Диего»?

- Огромные. Переводя книгу Марадоны, кумира моего детства, я испытывал такое наслаждение, что иногда мне казалось, будто я не переводил, а писал эту книгу сам.

- Расскажите о сценарии по пьесе Вацлава Гавела, который вы пишете для Эльдара Шенгелая.

- Писать для Эльдара Шенгелая – это, конечно, для меня огромная честь. Но, с другой стороны, это и огромная ответственность. Хотя когда он предложил мне написать сценарий, я согласился сразу. Наш будущий фильм будет похож на пьесу Гавела только по идее. Тем не менее, мы ввели в курс дела вдову бывшего президента Чехии. Рассказать сюжет картины я пока не могу, скажу лишь, что это будет трагикомедия из нашей реальной жизни.

- Какие впечатления оставила у вас работа над фильмом «Любовь с акцентом»?

- Во время работы над сценарием этого фильма я познакомился с Алисой Хмельницкой, очень умным и талантливым человеком. Работать с ней было очень приятно.

- Она, как и режиссер картины, обозначены в титрах как соавторы сценария. Простите, но зачем вам понадобились соавторы?

- Это я им понадобился. Авторы фильма живут в Москве, но хотели сделать фильм в Тбилиси. Поэтому и решили взять грузинского писателя соавтором. И обратились ко мне. Самый главный итог этой картины в том, что во всех странах, где ее показывают, растет интерес к нашей стране, и люди начинают чувствовать расположение к Грузии.

- На какой стадии находится голливудский проект – экранизация «Джинсового поколения»?

- Как мне сообщили, уже очень скоро начнутся съемки.

- Не могу не спросить, как вы пишете – рукой или на компьютере?

- Конечно, на компьютере. И уже давно.

- Что вы читали вчера?

- Книгу Пола Остера, которая недавно вышла на грузинском языке.

- Можете, если не секрет, привести последнее, написанное вами предложение? И что это будет за произведение?

- Это сценарий. А фразу произносит жена одного персонажа из нашего будущего фильма. Ей напоминают, что ее муж – уже не министр, на что она отвечает: «Мой муж всегда будет только министром и никогда – бывшим!» Наверное, вы догадались, о чем и о ком этот фильм...

- Есть такая фраза – «запомните меня таким». Каким должны запомнить вас?

- Меня запоминать совсем не обязательно. Предпочитаю исчезнуть без следа. Но если останутся мои книги, значит, и меня не забудут.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

МАРТОВСКИЕ ПРИЧУДЫ И НЕ ТОЛЬКО

Март – не весна, а предвесенье.

Русская поговорка

«Вчера мой кот взглянул на календарь/ И хвост трубою поднял моментально...»

Под этими строчками Саши Черного подписывается и ваша покорная слуга. За окнами квартиры стоит оглушающий ор сололакских мартовских котов. Самое беспокойное время года у них сейчас...

А вот в «Алисе в стране чудес» можно встретить Мартовского зайца – помните его на безумном чаепитии? Во времена Льюиса Кэрролла в моде была поговорка *Mad as a March hare*, что в переводе означает *Сумасшедший, как мартовский заяц*. Не знаю как насчет сумасшедшего, но вот зайца во хмелю, переоценившего свою храбрость, мы видим в басне Сергея Михалкова: «Да что мне Лев!.. Подать его сюда!»

Но давайте вернемся к Марту-месяцу, названному так в честь римского бога войны Марса потому, что этот период был наиболее подходящим для начала военных походов (не правда ли, есть что-то схожее с войной мартовских котов?)

Римляне отсчитывали календарные дни интересным способом: календами – первый день месяца, нонами – 5 или 7-й день и идами – 13 или 15 день.

В мартовские календы, т.е. 1 марта, римляне отмечали женский день. Он был посвящен богине Юноне, распространялся лишь на замужних женщин – матрон, потому и праздник носил название матроналии.

А в мартовские иды – 15 марта 44 года до н.э. в результате заговора был убит Гай Юлий Цезарь. Фразы

«Берегись мартовских ид!» и «И ты, Брут!» стали крылатыми благодаря трагедии Вильяма Шекспира «Юлий Цезарь». Были ли произнесены они на самом деле, никто никогда не узнает. Но история вольна творить свои мифы и легенды...

На Руси 1 марта отмечался Ярилин день. В славянской мифологии Ярило, бог солнца, брал вилы из солнечных лучей и поддевал ими зиму и гнал ее со двора. В этот же день в народе вспоминали хорошо известную по русским сказкам Кикимору и почитали как Маремьяну-Кикимору. Считалось, что добрых людей она привлекает, а злых поугасть любит.

В народе первый месяц весны носил названия сухой, зимобор, грачевник, капельник, протальник, березень.

9 (22) марта на Жаворонки, они же Сороки, день с ночью меряются. Бытовало поверье, что в это весенний день сорок разных птиц возвращаются из заморских стран, и первым среди них был жаворонок: *На Сорок мучеников сорок птиц прилетают*. На Сороки закликали весну. Была добрая традиция выпекать из теста пташек и приговаривать:

*Жаворонки, прилетите,
Студену зиму унесите,
Теплу весну принесите:
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела!*

Русская Православная Церковь чит в этот день па-

мьять сорока мучеников.

15 марта отмечали день святого священномученика Феодота, в народе – Федот Ветронос, Федот Снежный Занос. Потому говорили: *Федот Ветронос – везде сует свой нос*. В этот день ждали оттепель, а если опять наступал мороз, говорили: *Федот, да не тот*.

И напоследок немного о традиционных провадах зимы – любимом русскими празднике Масленице.

*Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины,
У них на масленице жирной
Водились русские блины...*

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Вот еще у Александра Куприна: «Блин кругл, как настоящее щедрое солнце. Блин красен и горяч, как горячее всегревающее солнце... Блин – символ солнца, красных дней, хороших урожаев, ладных и здоровых детей».

Благодаря традициям Масленицы в нашем языке есть такие выражения как: «к теще на блины», «первый блин комом», «что блин по маслу», «не житье, а Масленица!», «Без кота мышам – Масленица», «Как на Масляной неделе в потолок блины летели»... Богат на выдумки русский народ.

Антон Павлович Чехов писал: «Если у нас до сих пор и нет научных работ относительно блинов, то это объясняется просто тем, что есть блины гораздо легче, чем ломать мозги над ними».

С язычества и по сей день Масленица была символом обновления. Это – праздник-прощание с зимними месяцами: с первозимьем, коренной зимой и переломом зимы. «Прощай, зима сопливая! Приходи, лето красное!»

Прогоняли зиму весело – с шумом и гамом. На кострах сжигали олицетворение зимы – чучело Марены. Это своего рода образ умирания и воскресения природы. Удивительно, но по одной из версий имя Марена связывается опять-таки с римским Марсом.

С XVII века Церковь приняла обряды этого праздника. По церковному масленую – последнюю неделю перед Великим постом, называют сырной седмицей или мясопуст. А есть у нее в народе и другие названия: Блиноедка, Боярыня Масленица, Кривошейка, Объедуха, Целовальница... Вот и повелось после пиршества говорить: *Не все коту масленица, бывает и Великий пост*.

Вот выдержка из «Масленичных правил дисциплины» Антона Чехова: «Перед масленицей сходи к мастеру и полуди свой желудок...» Было принято на Масленую есть много, «до пересыта и недвижности». Особо активных едоков называли «маслоглотами».

*Посреди небесных тел
Лик луны туманный:
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной.
Каждую ночь она в лучах
Путь проходит млечный:
Видно, там, на небесах
Масленица вечно!*

М.Лермонтов

В последний день Масленицы – перед началом поста в Прощеное воскресенье православные христиане по традиции предков просят друг у друга прощения. Ведь без прощения нет и любви.

Алена ДЕНЯГА

▲ Белла Ахмадулина

ПО ЗАКОНАМ ЛЮБВИ

*О, Грузия, лишь по твоей вине,
когда зима грязна и белоснежна
печаль моя печальна не вполне,
не до конца надежда безнадежна.*

Белла Ахмадулина

Бывают такие моменты в жизни, такие встречи и совпадения, о которых говорят с удивлением и трепетом: «Бог ведет!» И запоминают люди надолго эти встречи, и чтут такие совпадения наравне с чудом. А разве объяснишь чудо? Можно лишь склонить голову при соприкосновении с ним, делающим нашу печаль неполной и надежду – небезнадежной...

И вот, всего-то несколько дат – уход, рождение, дни памяти...

Январь 1837 года. Как будто вся Россия пришла в Санкт-Петербург и встала вдоль набережной Мойки, провожая своего любимого Поэта. Но поэты не умирают, великий Пушкин остался с нами навсегда и парит его душа над бескрайними просторами родной земли, осеняя ее своей любовью.

Сикварули – так звучит слово «любовь» по-грузински...

Октябрь 1837 года. Далеко-далеко от Санкт-Петербурга, в Грузии родился мальчик Илья. Илья Чавчавадзе. И было суждено ему приехать в юности в Санкт-Петербург и прочесть стихи Пушкина и Лермонтова, и перевести их на родной язык... И стать великим грузинским писателем, борцом за свободу своей родины, выдающимся человеком, названным соотечественниками Отцом своего народа и причисленным церковью к лику Святых... И было суждено ему заслужить вечную народную любовь. Сикварули...

Так органично это слово вплетается в строчки стихов великого русского поэта Беллы Ахмадулиной:

О, Боже, - я прошу – о, Гмерто!
Оборони и сохрани,
Не дай, чтоб небо помертвело
Свирельное сикварули –
вот связь меж мной и Сакартвело.

Белла Ахмадулина родилась весной 1937 года – через столетие после...

И вот еще даты, еще совпадение – в 2012 – 175 лет со дня рождения Ильи Чавчавадзе и 75-летие Беллы Ахмадулиной ...

Бесконечна ее нежность к городу на Неве: Опять дана глазам награда Ленинграда...или Все б глаз не отрывать от города Петрова...

И город отвечает поэту восхищением. Весной в Санкт-Петербурге отметили юбилей Беллы Ахмадулиной как настоящий праздник – в Фонтанном доме звучали ее стихи, прекрасно прочитанные актерами петербургских театров, длились воспоминания близких друзей, и, конечно, было много музыки, как и подобает на празднике.

И вот осень. И день памяти – 29 ноября. День ее ухода. Два года нет с нами Беллы Ахмадулиной. Но поэты никогда не умирают насовсем – такая у них привилегия – оставаться в своих стихах... Поэтому скорбь, как бы она ни была велика, никогда не может победить людей, отмечающих дату ухода поэта. Так бывает всегда, так было в тот день – вот слезы, они горьки... А вот стихи – они же есть, они будут всегда, они бессмертны.

«А помните, как она тогда сказала?..» «А в тот день, на берегу, помните, как она смеялась?..» И опять звучат стихи. И музыка, конечно. И кто-то улыбается, и слезы прячутся глубоко-глубоко.

Так и произошло в мраморном зале Мраморного дворца на вечере, названном «Промельк Беллы». Звучала чудесная музыка, молодой актер читал страницы из воспоминания Беллы Ахмадулиной, Борис Мессерер рассказывал о счастливых мгновениях их долгой совместной жизни, а в завершении мы услышали живой голос Поэта – Белла Ахмадулина в предзимний холодный вечер читала стихи про черемуху... И холод отступал за кромку свершавшегося чуда, и Белла как будто стояла у микрофона совсем рядом с нами...

И еще по одной причине печаль наша была печальна не вполне – День памяти Беллы Ахмадулиной совпал с «Днями Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге». И это стало свершившимся на наших глазах чудом. Дни великого классика грузинской литературы – в Санкт-Петербурге совпали с Днем памяти великого русского поэта Беллы Ахмадулиной, любившей Грузию всем сердцем.

Она бесконечно любила Грузию, ее народ, природу и поэзию. Скольких прекрасных грузинских поэтов она открыла русским читателям, в своем подвижническом труде переводчика.

Белла Ахмадулина щедро делилась своим поэтическим даром с переводимыми ею авторами, она восхищалась звучанием грузинской речи, нежно и бережно прикасалась к грузинскому поэтическому слову. Она писала о работе над переводами с грузинского:

Я старалась служить переводу, я упивалась переводом. Мне хотелось, чтобы дивная речь другого народа звучала на моем языке, чтобы она была удивительной.

А вот слова-открытие, слова-прозрение Андрея Битова:

Она переводила с любви, а не с подстрочника.

Повторяю вслед за ним, смешивая русские и грузинские слова: она переводила с сикварули.

Любовь Беллы Ахмадулиной к Грузии и огромное ответное чувство грузинского народа, которое ей довелось ощутить и которое согревало ее всю жизнь и даже дольше земной жизни – это было, это есть на свете и никуда не денется, и растопит любые глыбы льда и разрушит любые стены...

Потому и возникают такие совпадения – по законам любви, рождающей поэзию.

Ирина АЛЕКСЕЕВА

ИРИНА АЛЕКСЕЕВА

К «Снам о Грузии» Беллы Ахмадулиной

Мерани, в твоих крыльях скрыты сны
о Грузии любимой виноградной,
где виночерпий под лозой отрадной
со щедростью тифлисской безоглядной
наполнил кубки...

Где теперь они –
друзья по праведному трепетному слову –
Отар, и Гия, и Галактион...
Тот несказанный, тот легчайший сон...
Мерани, о, домчи же его снова!

Найди ту женщину, окутай, обнадежь
ее мечтой о Грузии далекой!
Там рядом с древней Мцхетой светлооко
цветут деревья... Им не одиноко
их ровно девять... Просто их найдешь...

Мерани, мчись! Там отдых долгожданный
и тень ветвей, ручей, прохлада, тишь...
И женщина... не к ней ли ты летишь?
Неси же к ней свой дар небесно странный...

Ты снишься ей?.. Но где она сейчас?
В каком саду, среди каких долин
дорога ей к белейшей из вершин,
быть может, знаешь только ты один...
Но ты – безмолвен – покидаешь нас,

и только оклик за тобой вослед,
и только слышен шорох темных крыл...
И только память как ее любил
Светицховели животворный свет...

Но девять дэвов вслед за ней идут
и девять рощ зовут в свою прохладу
и девять солнц уже доступны взгляду
и, подчинясь таинственному ладу,
о ней – о Белле в Грузии поют

ветра, деревья, травы и ручьи,
Тифлис и Мцхета, и вода в Риони...
Мерани, что ж, кто твои крылья тронет,
наверно, руки обожжет свои...

Будь с нею тих – не обжигай – ни взглядом,
ни крыльями – она ко всем добра,
лишь доброта из-под ее пера
с утра до ночи, с ночи до утра
лилась и становилась домом, небом, садом,

тобой, проходим, улицей, цветком,
гепардом, облаком, собакой,
развеянным, совсем нестрашным мраком
и бабочкой под белым потолком.

Добрее слова Беллы только слово
– ее – другое, вставшее за тем,
за первым, что уже известно всем,
и всем родня среди любимых тем
и Грузию обнять оно готово,

и «Сакартвело» тихо прошептать,
пространство, подчиненное любви:
«сикварули» - просвищут соловьи,
и все, что было, будет здесь опять...

Здесь так заведено, чтоб сны сбылись,
по замыслу, звенящему упруго
одной любовью сомкнутого круга
здесь в ночь иду, чтобы увидеть друга,
и друга посылает ночь-Тифлис,

и день-Тифлис сомнения стирает,
и нежит Беллу за отсутствие их,
она здесь пребывает в снах своих
и поводы для яви выбирает...

Она приемлет сны как волшебство,
как утешенье посреди ненастья,
как в празднике тифлисском соучастье,
и промельк ускользящего счастья
и влаги виноградной торжество...

Мерани, да, ты ведом ей, ты друг,
и долгожданный гость, и царь суровый,
так приоткрой над таинством покровы
коснись крылом ее нежнейших рук...

Пусть будет ей светло в Светицховели,
крещенья ангел охранит в пути –
чтобы смогла преодолеть, дойти,
и по дороге хрупкий слог сласти
и вырастить до слова, как до цели...

Слова растут, смыкаются в строку,
они сильны, они уже бессмертны,
и шепчет небу женщина: «О, Гмерто!»
на Мтквари вечно юном берегу...

15 мая – 23 июня 2012
(Запрудня – Париж – Женева – Лозанна)

ИСПЫТЫВАЮ СЧАСТЬЕ

▲ Ефим Байковский

Одному из ведущих актеров Московского академического театра имени В. Маяковского народному артисту России и Грузии Ефиму Исааковичу Байковскому исполняется 85 лет! В канун юбилея с ним встретилась корреспондент журнала «Русский клуб» Тина Влади (Валентина Кудряшева).

- Ефим Исаакович! Мы, москвичи, регулярно посещающие театр Маяковского, хорошо знакомы с вашим творчеством и являемся вашими преданными поклонниками. Тем интереснее было бы узнать, а как, собственно, все начиналось, как вы пришли в искусство, как, когда и где смогли реализовать свое призвание?

- Все началось в Свердловске, где я, ученик второго класса школы, оказался счастливым участником драматического коллектива при Дворце пионеров, которым руководил Леонид Константинович Диковский – первый и один из главных наставников в моей будущей профессии. Наряду с серьезными большими спектаклями, учебный театр, как правило, выпускал и детские спектакли, особенно во время новогодних каникул, в которых я принимал участие. Однажды, после премьерного спектакля, включающего сцены из «Хозяйки медной горы», присутствовавший в зале Павел Бажов дал нам очень высокую оценку, а, подойдя ко мне, долго на меня смотрел и, наконец, сказал: «Тебе, деточка, надо серьезно подумать о будущей профессии. У тебя – талант, и ты можешь стать хорошим артистом. Только трудись!..» Эти слова я запомнил на всю жизнь, и, по мере сил, всегда следовал и продолжаю следовать завету мастера – трудиться... А тогда шла Великая Отечественная война. Ленинградский Новый театр (ныне – театр имени Ленсовета) был эвакуирован на Урал. И, как бы, вторя пророчеству писателя,

в те дни Ленинградский Новый театр объявил в прессе и по радио о наборе в театральную студию. Число желающих мгновенно перевалило за полторы тысячи! При этом, необходимым условием приема было наличие аттестата об окончании десятилетки и возрастной порог в шестнадцать лет. Надо ли говорить, что у меня не имелось ни того, ни другого! Было только одно непреодолимое желание учиться актерскому мастерству! Конкурсную комиссию возглавлял худрук театра, один из первых учеников Станиславского, Борис Сушкевич. Была в комиссии и жена Сушкевича – блистательная актриса и режиссер первой студии МХАТа Надежда Бромлей. Только мое неистовое желание попасть на конкурс дало мне возможность участвовать в прослушивании, и мне позволили прочесть весь приготовленный к показу репертуар. И вот, когда я интуитивно понял, что выиграл этот бой, что принят! - вдруг Сушкевич спрашивает: «А сколько Вам лет?» Я, не моргнув глазом, выпалил: «Шестнадцать!» И через паузу добавил: «Скоро будет...» Начал заверять, что, если буду зачислен, обязательно закончу и школу... Тут Сушкевич по-доброму улыбнулся и сказал: «Шестнадцать лет вам, конечно, со временем, исполнится, а вот десятилетку вы уже никогда не окончите!» Это было настоящее счастье! Я оказался в числе двенадцати человек, зачисленных в студию. Это из 1600 претендентов! И это была фантастическая победа, открывавшая перед мальчишкой прекрасную дорогу в большое искусство!

- Итак, вы в театральной студии. Павел Бажов оказался провидцем! А что было дальше?

- Еще обучаясь в студии, я начинаю выходить на сцену театра в текущем репертуаре. Достаточно упомянуть Молчалина в «Горе от ума» Грибоедова, Ибн Саада в

«Измене» Сумбатова-Южина...

- *А после того, как вы закончили студию...*

- После окончания студии я единственный со всего курса был оставлен в театре и зачислен в труппу.

- *И стали ленинградским актером?*

- Стал, но ненадолго! На показе дипломных спектаклей был приглашен в несколько провинциальных театров, где мне были обещаны ведущие роли. И я решил не оставаться в Ленинграде, чтобы не тратить годы на ожидание больших ролей. Я принял приглашение от начальника областного управления культуры и худрука Орловского облдрамтеатра. Там, в Орле, и началась моя театральная деятельность. Уже в первом сезоне я сыграл Фердинанда в «Коварстве и любви» Шиллера, Ивана Земнухова в «Молодой гвардии» Фадеева, Берсенева в «Накануне» Тургенева, Татьяна в «Егоре Булычеве...» Горького.

- *Если можно, несколько слов о вашей личной жизни. Ведь не одна сцена в то время занимала все ваши мысли и чувства...*

- Спасибо за этот вопрос. В Орле я встретил и на всю жизнь влюбился в прекрасную умницу, чудесную ведущую актрису, играющую весь основной репертуар театра – Нину Алексеевну Артуновскую. Имел счастье быть ее партнером на сцене много-много лет! Вспыхнувшая любовь оказалась взаимной! Наша счастливая совместная жизнь длилась шестьдесят лет! Четыре года назад Нины Алексеевны не стало, и примириться с этим невозможно... Сегодня, вспоминая свою жизнь, я могу с уверенностью сказать, что был счастлив всегда. Я вырос в дружной, любящей семье. Вместе мы пережили войну, голод, холод. Все невзгоды и трудности нас только объединяли, потому что мы безгранично любили друг друга. Сегодня из большой, красивой, доброй и честной во всем семьи у меня остался один мой младший брат Юрий. И хоть видимся редко – он, его чудесная жена Лиля, взрослые дети, внучка живут далеко от меня – в Екатеринбурге, вся моя теперешняя жизнь – ожидание встречи с любимым братом. Мы очень нужны друг другу духовно. Он ценит и понимает мою работу, искренне радуется моим успехам, придирчиво обсуждает мою игру, критикует или восторгается тем, что я делаю на сцене. И я очень люблю его и всю его семью...

- *А теперь мне хотелось бы вернуться к тому месту в вашей карьере, на котором мы остановились.*

- Мы с Ниной Алексеевной, несмотря на максимальную загруженность работой, на избранные и самые главные роли в репертуаре, на бесспорный зрительский успех, не могли долго оставаться в одном театре, в одном городе, и были очень легки на подъем. И вот мы уже на новом месте, работаем с новым режиссером, и вновь должны доказать свою состоятельность, завоевать любовь зрителя, уважение нового коллектива и прочно войти в репертуар нового для нас театра. После четырех сезонов в Орле был Мурманск с ролью Юлиуса Фучика и другими. Далее был Вильнюс, где я сыграл Улдыса в спектакле «Вей, ветерок!» Райниса, Германа в «Тане» и Ведерникова в «Годах странствий» Арбузова (с такой блистательной партнершей, как Элина Быстрицкая!). Расставшись с Вильнюсом, мы переехали в Челябинск вместе со «своим» режиссером Еленой Марковой. Сыграны роли Никиты во «Власти тьмы» Толстого, Черкуна в «Варварах» и Петра в «Деле Артамоновых» Горького, Чацкого в «Горе от ума» Грибоедова, Доменико Сорiano в «Филумене Мортурано» Э. Де Филиппо, Эдмунда в «Короле Лире» Шекспира, Вронского в «Анне Карениной» Толстого...

- *Ефим Исаакович! Вы ведь работали и в моем родном городе, в Тбилиси! Тбилиси – город, в котором я родилась.*

- Прекрасное место вы избрали для своего рождения! В Тбилиси мы с Ниной ехали к великому режиссеру и педагогу Гиге Лордкипанидзе. Каждая репетиция с ним

– восторг, радость человеческого общения! Дай Бог мне сделать еще хотя бы одну работу с этим великим мастером современного театра! А еще Тбилиси, театр имени А.С. Грибоедова, подарили мне встречу с добрейшим и очень талантливым человеком – режиссером Котэ Сурмава. Все его работы памятны и очень дороги. Тогда здесь началась и продолжается по сей день наша дружба с Николаем Николаевичем Свентицким.

- *А что было после Грузии?*

- Я получил предложение от художественного руководителя Ленинградского театра имени Пушкина И.Горбачева. Знаменитая «Александринка» пригласила меня в свою труппу! Театр должен был возобновить мейерхольдовскую постановку лермонтовского «Маскарада», и мне была предложена роль Арбенина. А я только что выступил в этой самой роли на сцене тбилисского Грибоедовского театра.

Но знаменитый спектакль так и не был восстановлен, потому что ушел из жизни великий Варпаховский, хранивший записи всех мейерхольдовских репетиций... Я с головой окупился в работу в новом коллективе.

- *Ну а после Ленинграда неутомимый Байковский, наконец, оказался в Москве. Ведь так?*

- Именно так! И моя московская жизнь открылась исполнением роли кремлевского Деда Мороза. После этого была работа в Новом театре Виталия Ланского, где были сыграны главные роли в спектаклях «Тайна саркофага» Софронова, «Отель «Забвение» Ибрагимбекова, «Монолог на городской площади» Зубкова, «Единственный наследник» Реньяра.

- *И вот...*

- И вот 25 лет назад я испытал настоящее потрясение, получив предложение от великого Андрея Гончарова перейти в его труппу! На репетициях я испытывал настоящее счастье причастности к тому, что делает этот великий человек. Я уверен, что Гончаров никогда не будет забыт, пока существует театр и театральное искусство. Здесь же, в этом родном для меня театре я имел счастье встретиться с великим Петром Фоменко, в спектакле которого «Плоды просвещения» я сыграл одну из главных ролей – Федора Ивановича.

- *Ефим Исаакович! Два слова о сегодняшнем дне вашего театра.*

- Год назад труппа добилась назначения на должность художественного руководителя театра талантливейшего, одного из лучших режиссеров молодого поколения Миндаугаса Карбаускаса. Вместе с ним в театр пришел и замечательный директор Леонид Ошарин. Результатом этих назначений стало то, что театр задышал новой жизнью и вновь обрел былую славу одного из ведущих. О себе скажу так. Не всякому 85-летнему актеру удается сыграть в одном сезоне сразу две ключевые роли в двух спектаклях! Первая работа у Карбаускаса в «Талантах и поклонниках», я сыграл Нарокова. А вторая и последняя на сегодняшний день моя работа – роль Грегори Солломона в спектакле «Цена» по пьесе Артура Миллера. Спектакль поставил выдающийся режиссер, профессор, народный артист России Леонид Хейфец. Обе роли принесли мне огромное творческое удовлетворение.

- *Какие чувства вы сегодня испытываете?*

- Счастье! Счастье! Счастье! Счастье, что работаем в лучшем театре России, в лучшей труппе, с лучшими режиссерами! Горжусь, что играл рядом с легендарной Наташей Гундаревой, Александром Лазаревым. Что могу работать на сцене с Арменом Джигарханяном, Эммануилом Виторганом, Игорем Костолевским, Михаилом Филипповым, Галиной Анисимовой, с моей любимой партнершей Светланой Немоляевой. Счастлив, что 10-12 раз в месяц выхожу на сцену к моему зрителю, которого я безгранично люблю и с радостью отдаю ему мою жизнь.

Тина ВЛАДИ

▲ Сергей Рахманинов

ЕСТЬ МНОГО ЗВУКОВ В СЕРДЦА ГЛУБИНЕ

Выбор литературного сюжета, поэтического текста во многом определяют жизнеспособность вокальной музыки. Неосуществленные сценические замыслы, оперная музыка, не нашедшая достойного либреттиста и потому возможная лишь в концертном исполнении, мелодии, обреченные оставаться «песнями без слов», несостоявшиеся творческие судьбы часто предстают как результат неудачного синтеза музыки со словом.

Современники С.Рахманинова не раз ставили под сомнение его вкус к поэзии. Между тем, романсовая лирика поражает широтой кругозора автора. Содержащиеся в письмах композитора настоятельные просьбы о рекомендации стихов для вокальных пьес позволяют судить о том, как значительна для композитора каждая информация, углубляющая его знания.

Тексты 83 романсов Рахманинова принадлежат перу более сорока авторов. Поэтому эту часть творческого наследия следует оценивать также с точки зрения ее просветительского значения. Романсы эти не только

по-новому представили философскую лирику Тютчева, Хомякова, А.К. Толстого, вскрыли бездонность трагизма музыки Шевченко, ввели в таинственно-пленительный мир поэзии Гюго, но и подвижнически сохранили для потомков образцы творчества поэтов, чьи имена настойчиво вытравлялись из культурной памяти. На протяжении длительного периода вокальная музыка Рахманинова оставалась одним из источников представления о поэзии Минского, Мережковского, Андрея Белого, Федора Сологуба.

Среди поэтов, причастных к романсам Рахманинова, на первом месте А.К. Толстой, к которому композитор обратился шесть раз, затем идут Фет и Тютчев (по пять раз), Пушкин и Ратгауз, и, наконец, Апухтин, Галина, Кольцов и Надсон (по три раза). Соседство имен Пушкина и Ратгауза, Кольцова и Галиной не должно удивлять. Известно, какими художественными результатами ознаменовалось соавторство композиторов с такими поэтами, как Кукольник, Ратгауз, Голенищев-Кутузов (творческий союзник Мусоргского), а также барон Розен, чья подвижническая роль в творческом процессе создания первой русской оперы («Жизнь за царя» - «Иван Сушанин» Глинки) до сих пор не получила должной оценки. Мы позволяем себе утверждать, что ни Пушкин, ни Жуковский не допустили бы деспотических требований Глинки, писавшего музыку прежде слов.

Какими принципами руководствовался Рахманинов, выбирая стихи для романсов?

Мы различаем четыре типа творческого процесса создания вокальных произведений. Первый – когда импульс к сочинению исходит от поэтического текста. Этот тип мы связываем с именем Глюка, который почитал музыку как послушную дочь поэзии. В другом случае композитор, имея предварительный замысел, или охваченный желанием выразить в музыке сиюминутное состояние, ищет адекватный поэтический сюжет. Такой тип творческого процесса описан в «Мемуарах» Берлиоза. Третий тип – когда слова подбираются к уже написанной музыке – особенно близок Глинке. Наконец, последний случай – когда композитору принадлежат и слова, и музыка (Мусоргский, Чайковский, Бородин).

Рахманинову особенно близок первый тип творческого процесса. При этом «поставщиками» текстов были не только Слонов, Керзина, Шагинян; каждой кухне в Ивановке, родовом имении Рахманиновых, вменялось в обязанность иметь запас поэтических текстов. Однако известно, с какой критичностью производил композитор отбор стихов, подчиняя его конкретным тематическим задачам.

Несомненно, композитор придавал большое значение форме поэтического зачина, предпочитая уравновешенности повествовательного изложения живость интонации обращения («Не пой, красавица, при мне», «Ты помнишь ли вечер?», «Давно ль, мой друг»), экспрессию восклицания («Дитя! Как цветок, ты прекрасна!», «Пора! Явись, пророк!», «Не может быть! Она жива!», «Оттеняемую выразительностью междометия («О нет, молю, не уходи!», «О Боже мой! Взгляни на грешную меня!», «О не грусти! Я там, где нет страданий!»). Подобно вокальным пьесам Чайковского, в романсах Рахманинова установка на контакт с исполнителем и слушателем отражает существенные черты душевного склада лирического героя – острую потребность в человеческом общении, склонность к исповедальности, страх перед разлукой и одиночеством.

Рахманинов проявляет необыкновенную чуткость к поэтической рифме. Избитость, однозвучность, искус-

ственная натянутость может быть причиной отказа от творческого намерения. Неудачное либретто Слонова парализует замыслы опер «Саламбо» и «Монна Ванна», и в знак протеста против «обыкновенного, рутинного, оперного выражения», Рахманинов обращается к прозаическому тексту Чехова («Мы отдохнем»).

Надо полагать, что нетривиальность ритмической структуры, свежесть и самобытность рифмы пробудили у Рахманинова интерес к поэзии русских символистов, к которой приобщила его Мариэтта Шагинян. И знаменательно, что, войдя в строй этой ритмики, Рахманинов, оставляет некоторые романсы без обозначения тактового размера («Ночью в саду у меня», «К ней», «Крысолов»).

Сюжеты и мотивы ранних рахманиновских романсов имеют множество точек соприкосновения с вокальной лирикой Чайковского, раскрывающейся как исповедальная. В то же время направление душевных исканий лирического героя, его эмоциональная жизнь существенным образом отличаются от переживаний героя романсов Чайковского.

Основа жизненной философии лирического героя Чайковского – фатальность. Его любовь сопряжена с мучениями. В атмосфере душевного разлада прорезается одна из самых трагических интонаций безответной мольбы («Так что же?», «Страшная минута»). Она отчетливо слышна и в ранних романсах Рахманинова – «У врат обители святой», «О нет, молю, не уходи!» Последний сближается также с вокальной лирикой Чайковского мотивом срастания любви с мучением, любования страданием, упоением его неизбывностью («Я слишком счастлив этой мукой», «Мучений новых впереди/ я жду как ласк, как поцелуя»). Однако готовность пройти через страдания, претерпеть любые муки в сюжетах Рахманинова имеет иные предпосылки: для персонажей его романсов любовь это способ возвращения к «живой жизни», источник нравственного обновления, залог спасительной надежды («Песня разочарованного», «Все отнял у меня», «Ночь»).

Любовь в романсах, даже неразделенная, окрашена в ослепительно-радостные тона («В моей душе любовь восходит /как солнце в блеске красоты»), самое страшное несчастье –разлука и одиночество («Вся боль ничто перед разлукой»). И знаменательно, что для рахманиновских персонажей смерть страшна не сама по себе. Вспомним «Мелодию» на слова Надсона, где смерть представлена как трепетное ликование, самозабвенный акт вознесения в лазурное царство, а именно как разлучница. При этом сострадания заслуживает прежде всего тот, кто остается в земной юдоли, и не случайно в романсе «О, не грусти» роль утешителя предназначена духу усопшей подруги (сравним с известным романсом Чайковского, где «голос с того света» продолжает в приступах ревности терзать возлюбленную).

Возлюбленная героя Рахманинова прекрасна. Она предмет всеобщего восхищения («Тебя так любят все! Один твой тихий вид / всех делает добрей и с жизнью мирит»), ее мирозерцание ясно и гармонично («у ней неплакавшие очи /и нестрадавшая душа»). Лик ее предстает в ореоле нимба, ее образ уподобляется иконе («одну тебя при мне оставил,/ чтоб я ему еще молиться мог» (Тютчев), «Мне больше некого любить,/ мне больше некому молиться (Надсон).

Возможность восстановления душевного равновесия герой Рахманинова обретает также в воспоминаниях о поре счастливой любви, которые, однако, не вступают в конфликт с реальностью, не способствуют про-

буждению воспоминаний о совершенных ошибках («В молчанье ночи тайной», «Сей день я помню», «Опять вострепелось ты, сердце», «Смеркалось»). Мотив запоздалого раскаяния звучит в «Молитве», но как чужда бурная патетика чувств этого романа героиням романсов Чайковского «Лишь ты один», «Не спрашивай», «Он так меня любил», затаившимся в себе, скованных запретом признания, в плену условностей.

Преодоление душевного кризиса, освобождение от скорби, выход из состояния трагической замкнутости – главенствующие мотивы романсов Рахманинова, утверждающие оптимистический пафос. «О, как я жить хочу, как страстно жажду света», - восклицает «разочарованный» Ратгауза. «Но дай мне жить, творец, о, дай мне сердцем жить», - вторит ему персонаж из «Думы» Шевченко. Художественный итог этого тематического направления, органично вобравшего образы весеннего обновления природы, восходящего утра, сверкающего дня – «Ветер перелетный». Завершающая его фраза «День сильнее ночи» отражает главную приметку отличия вокального творчества Рахманинова от романсовой лирики Чайковского, которая проникнута настроением обреченности, предчувствием надвигающейся катастрофы, неминуемой расплаты за кратковременные радости («Новогреческая песня», «Недолго нам гулять с тобой»), хотя у Чайковского встречаются и мажорные концепции («День ли царит», «Средь мрачных дней»).

В сюжетах поздних вокальных сочинений Рахманинова выделяется тема художественного творчества творца. Из ранних романсов этой теме посвящены «Я не пророк», а также «Есть много звуков в сердца глубине», где, по словам Б.Асафьева, «композитору хотелось поведать свое коренное и существенное – как становится в сознании музыка». Участники этого направления утверждают в романсах под эгидой образа Музы, который обращен к вдохновительнице их сюжетов Мариэтте Шагинян.

На протяжении всего творческого пути композитора привлекал мир природы. Вступив в жанровую лирику как «замечательный мастер тишины», он в дальнейшем расширил диапазон этого направления образами бушующей стихии, звукописью водного пейзажа. Позднейшие романсы выявили новые грани художественных интересов Рахманинова. Составляющие их поэтическую канву стихи (в их числе Аветик Исаакян в переводе Блока), на наш взгляд, объединяют рождающиеся в тишине звуковые образы: отголоски «грустных и милых приветов» и журчание струй Леты в стихах «К ней», плач ивы («Ночью в саду у меня»).

Романсы вобрали ряд сквозных мотивов вокальной лирики Рахманинова. Укажем на идентичность метафор пьес «Ночью в саду у меня» и «Ау!», новое осмысление концепции тишины во «Сне». В то же время особенность этих романсов в том, что их поэтические тексты раскрываются как цепочка автопортретов. Выбор стихов говорит об удивительной пронизательности Рахманинова. Каждый автор предстает в неповторимости своего индивидуального облика: мудрый пантеист, одушевляющий природу теплом человеческих отношений, Аветик Исаакян, «иронизирующее дитя» Игорь Северянин, певец вечного покоя Ф.Сологуб, «светило ледовой страсти» В.Брюсов и запечатленный в пластической выразительности позы и жеста Андрей Белый, бедный «щегленок» (Мандельштам), тщетно ищущий свою возлюбленную – Жену, облаченную в Солнце.

Мария КИРАКОСОВА

ЭЛИНА УРУМОВА

Я родилась в старинном тбилисском районе Авлабаре, где само смешение языков, народов и всевозможных красок сделало за меня свой выбор. Самым невероятным в моей жизни было бы не писать. Писала со школьных лет, первая публикация моего стихотворения – в Тбилиси, газете «Закавказские ведомости». Затем – литературное общество «Арион», клуб авторской песни «Маленький оркестрик», участие в двух международных фестивалях авторской песни. В последние годы я, в основном, выступала в роли барда, так как песни пишу с тех же самых пор, что и стихи. Неоднократно печаталась в альманахе «На холмах Грузии», в сентябре 2012 года представила на суд публики две свои первые книги – «Пороги» и «И камни говорят...»

У ЧЕРТЫ

Судеб приговоры рутинны, но вески,
А мне б не вязаться в бои...
Летят над Курою мои занавески,
Прощальные ветры мои!

И вьются ржавеющих лестниц спирали
Змеей, закусившею хвост
Над сценой финальной, где мне подыграли
Мудрец, фантазер и прохвост!

О, я обыграю, безумно и гордо
Смеясь пред фатальной чертой,
И черных кликуш, напрягающих морды,
И праведниц с их немотой!

Люблю мой Тифлис, воспаленный и сочный,
И тминных дворов естество!
Люблю, уходя по векам непорочным,
Слезам и ступенькам его!

АРБАЛЕТ

Так расстанемся же по-хорошему,
Не навечно – на тысячу лет.
Дело сделано. Жребии брошены.
Тьма пробита. Устал арбалет.

Вот и в праздничной тоге, не вретнице
В даль, что неоспоримо родней,
Увожу незапятнанным детище
Всех своих странных жизней и дней.

И вперед на века отстоящая,
На вопрос обретаю ответ:
- Кто душа, кто же ты, настоящая,
В миллионах карающих лет?

Что ты чувствовала – стрел жужжание,
Пробивающих латы десниц?
Скакунов фараоновых ржание
Под напором чужих колесниц?

Или тихое, мерное пение
Атлантиды крылатых армад,
И ее самое в день успеха
У родных атлантических врат?

Чтила знаками звезд осиянными
Книги судеб? Гадать не берусь!
Иль тевтонцем дралась с россиянами,
Или с Сергием славил Русь?

Так мечтами отважными созданы
Дел великих отрада и яд!
Пусть моими кочевники звездами
Иноходцев своих напоят!

Пусть совсем не под райскими кущами,
По невинным кощунствам скользя,
Будут тихо знамена приспущены
В знак того, что прощаться нельзя.

Так расстанемся же по-хорошему
На каких-нибудь тысячу лет...
Дело сделано. Жребии брошены.
Тьма пробита. Устал арбалет.

ПРОСТО ВЕТЕР ТОТ НЕ С ТОЙ СТОРОНЫ...

Просто ветер тот не с той стороны,
Он не знает ни страны, ни меня,
Он когда-нибудь добьется страны,
Невзначай в нее медяк оброня!

Ветер этот и колюч, и речист,
И улыбчив, и вовсею толстомяс!
Я б продулась, только ручка и лист
Вновь спасают, как спасали не раз!

Просто ветер тот не с той стороны,
Где в обычае хранить старину,
Он коснулся кошелька, не струны,
А продуют, так похоже, страну!

Ветер, ветер, замени паруса
На любой – парчовый, рваный, любой!
Ты не знаешь, здесь поутру роса
Наливается искрой голубой!

Здесь и горы, и ручьи, как нигде!
А в Америках, наверно, не так!
Ходят здесь еще за так по воде,
И в годину помогают за так!

Ветер, ветер, ты пройди стороной,
Над чужою стороною звеня!
Мне бы проще поменяться страной,
Только нет души другой у меня!

Просто ветер тот не с той стороны,
Да и я его судить не берусь!
Если служат в большинстве – бараны!
А в дали и в меньшинстве свята Русь!

Вот и все, и напоследок струной
Задрожу, сердечных растеребя...
Я нисколько не унижен страной!
Я настолько уважаю себя!

Просто ветер тот не с той стороны

ЧАЙКЕ ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН С ЛЮБОВЬЮ

Солнце мягко лило майский мед янтаря
С теплой пальмы, как будто с ладони.
Вы слышали ль, как бьются о грунт якоря,
Стопудовые хриплые кони?

Я-то знаю, я видела это не раз,
Разнося свои синие флаги
По далеким Вселенным. Скажите, и вас
Будоражат миры на бумаге?

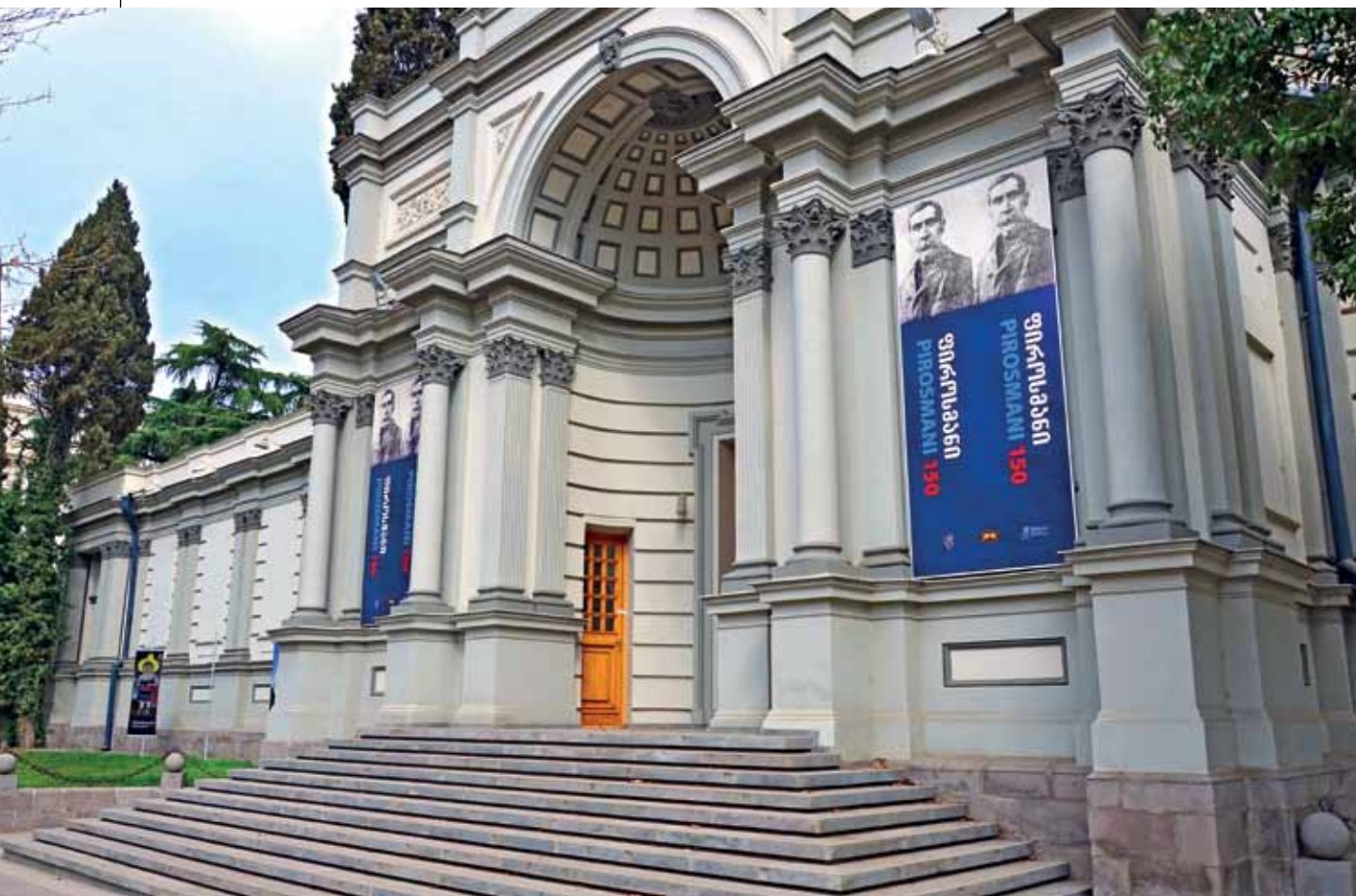
Сладко липли к лодыжкам пески-лепестки,
Проливалась заварка ли, кофе ль...
Вдруг... блеснули мне жемчуг, и крыл колоски,
И почти человеческий профиль...

Бог мой! Джонатан, мальчик, рискнувший посметь
И впечатать крыло в неба камедь!
В белом творчестве «смерть», в звездном качестве «смерть»
Лишь одна запредельная память!

Бог мой, Джонатан, мальчик, от чаек и стрел
Задубится у Господа кожа!
А назавтра, как прежде, назначен отстрел
Белых птиц, на других непохожих!

Как же холодно падать в твою высоту,
Непроявленно в Силу вращая,
Как рискованно ставить на карту. Не ту,
Что веками чеканила стая!

Бог мой! Завтра и я испишу набело
Угловатое тельце бумаги!
Завтра будет бело! Ах, как будет бело
В том, от чайки до Господа, шаге!

▲ Национальная галерея Грузии

ЧЕТЫРЕ СОБЫТИЯ ОДНОГО ГОДА

Вот и исполнилось 150 лет со дня рождения Нико Пиросмани. Мы отметили эту славную дату обширной выставкой его картин. Но творческая биография художника продолжает волновать нас и несет нам общую радость догадок, предположений, открытий.

Давно известно, что с именем Пиросмани и с фактом открытия его картин тесно связаны имена художников Михаила Ледантю и Кирилла Зданевича. Честь им и хвала! Но как недооценена роль младшего брата Кирилла, Ильи Зданевича (1894, Тифлис – 1975, Париж) в безошибочном определении им чуда, открывшегося за личностью Пиросмани и его картинами.

В этой связи и в контексте юбилейной даты художника закономерно вспомнить и о других круглых датах: сто лет со дня знакомства Пиросмани и Ильи Зданевича; сто лет со дня первой публикации о Пиросмани, статьи И.Зданевича в газете «Закавказская речь»; сто

лет «Тетради Николая Пиросманашвили», дневнику встреч Ильи Зданевича с Пиросмани; сто лет со дня первого экспонирования картин Пиросмани в Москве на выставке «Мишень», этапной в истории авангарда.

Илья Михайлович Зданевич, сын потомка сосланного на Кавказ поляка и грузинской дворянки Валентины Гамкрелидзе, вошел в историю грузинской, русской и французской культуры, как поэт и прозаик, журналист, историк культуры, дизайнер книги, одна из самых радикальных фигур авангарда, сбрасывавший с парохода современности Венеру Милосскую и ставивший выше нее американский башмак. Но приехав на каникулы домой в январе 1913 г., этот дерзкий ниспровергатель культурных ценностей прошлого, 19-летний футурист из футуристов увидел в доме родителей висевшую на стене картину Пиросмани «Пирушка мушей», найденную Михаилом Ледантю и Кириллом Зданевичем и позже выставленную на «Мишени».

Илья решил отыскать художника и после долгих скитаний из духана в духан набрел на него. «Достигнув улицы Гоголя, мне представилось зрелище, смысл которого я сразу не понял или даже не захотел понять. Рядом со мной стоял, сгорбившись, старик в серой изодранной и замасленной паре, в рваной обуви, с красными опухшими руками... Изношенный фетр, посыпанный пылью... и в поднятой руке, дрожащей, точно от бессилия, или умолявшей о пощаде – орудие тайны – тонкая кисть... Я знал, что это – Пиросмани, Пиросманашвили, герой моих снов и мечты в течение долгих месяцев, певец моей родины, мудрец, один, где-то в глуши постигший тайны живописи, сумев увидеть то, что никто не видит, неуловимый, единственный чародей».

▲ Нико Пиросмани

Удивительное совпадение: почти так же был открыт и найден Анри Руссо великим Пабло Пикассо. Пройдут годы, и Пикассо и Илья Зданевич встретятся, подружатся и одним из результатов их дружбы станет книга Ильи «Нико Пиросманашвили. 1914» (Париж, 1972) с иллюстрацией портрета Пиросмани работы Пикассо.

Илья договаривается с Пиросмани о следующей встрече, а также заказывает художнику свой портрет. Он решил завести дневник встреч с ним: это была обшая тетрадь в черной клеенчатой обложке. Илья озглавил ее так: «Тетрадь Николая Пиросманашвили. Картины художника, его биография». Здесь же надписи: «Тифлис. 25/1 913. Илья Михайлович Зданевич», «ბიჭო ფიროსმანაშვილი», «Дом виршарей», «Николай Асланович Пиросманашвили». И главная запись: «Теперь после знакомства с Николаем, я знаю, что такое жизнь».

Илья Зданевич готовился к большой серьезной работе, посвященной жизни и творчеству Пиросмани, о чем свидетельствуют записи: «О Николае. План. 1. Тифлис. 2. Николай. 3. Знакомство». Позже в тетради появился список вопросов, предназначенных Пиросмани: «Вопросы, которые необходимо предложить Николаю для его биографии». Вот некоторые из вопросов: «Когда родился? (год, число, месяц). Когда начал рисовать и чем? Учился ли рисовать у кого-либо? Для чего живопись? Нужно ли искусство? Какова его цель? Отношение к жизни вообще? Кто учил русскому языку? Когда и где попала в руки Барсова кожа с иллюстрациями Зичи и как их снимал? Есть ли различие меж «маляром» и «художником»? Каково различие меж «самоучкой» и «учившимся»? На что надеется, для чего живет, какие цели, как бы он хотел кончить жизнь? Отношение к своей известности и своим картинам?»

В дневнике Ильи Зданевича список 106 работ Пиросмани с адресами и местонахождением (названия – самого Ильи). Фактически это – первый полный список картин художника, использованный для каталога в монографии 1926 г.

Илья в записях стремился дословно передать выражения Пиросмани, например, «У меня талант устал, я вас ждал утром. Вы опоздали» или «Как же, если мы не будем работать над низшим, как мы сумеем сделать высшее?»

Запись слов Пиросмани от 29 января 1913 г. в дневнике – «родился в конце января 1863 г.» особенно важна, ведь у исследователей дата рождения Пиросмани колебалась от 1851 г. до 1867 г.!

Первая дата в дневнике Ильи (без записи) – 25 января. Сами записи начинаются 27 января в воскресенье (кончатся 1 февраля 1913 г.).

В январе 1913 г. целью И. Зданевича было нарушить трагическую отчужденность жизни и творчества Пиросмани. С легкой и энергичной руки юноши, спешащего «надеть мир на новую ось», и где точкой опоры он видел и искусство Пиросмани, – он вытянул его из неизвестности и безымянности, а крещение славой художник получил в марте 1913 г. на выставке «Мишень». Ничто не прошло мимо юного Ильи, и на страницах дневника перед нами – образ мастера: честный, неистовый, трудолюбивый, с достоинством истинного аристократа, щепетильный, впечатлительный, доброжелательный, но в то же время недоверчивый и неуживчивый.

Из записи 30 января выясняется, что первый раз к Пиросмани Зигу (Сигизмунда) Валишевского привел Илья Зданевич, а вечером того же дня он же привел своего брата Кирилла, чтобы познакомить его с художником (в погреб Сандро Кочлашвили «Карданахи»). Илья Зданевич был страшно озабочен тем, как помочь Пиросмани, больному и нищему. Илья обратился к своему знакомому «присяжному поверенному Канчели», убедил его съездить на Молоканскую улицу. А. Канчели, поэт и общественный деятель, поддержал идею Ильи сделать художнику большой заказ: расписать столовую в его доме. Как вспоминал позже Илья, «протест домашних оставил пожелание неосуществимым».

Долгие годы дневник И. Зданевича (о котором знали, увы, немногие) считался утерянным. О нем знали лишь по некоторым вольно пересказанным цитатам в книгах Кирилла Зданевича, посвященных Пиросмани (1963–1965 гг.). В 1920 г., уезжая с целью продолжить учебу в Париже, Илья Зданевич оставил некоторые свои личные бумаги дома, в том числе и дневник. Кирилл пользовался записями, но потом по настоянию брата привез его в Париж в 1966 г. (братья встретились через 46 лет разлуки!). В январе 1989 г., во время подготовки экспонатов для выставки «Братья Зданевичи» в Государственном Музее искусств Грузии, автор этих строк обнаружила эту общую тетрадь в черной клеенчатой обложке в архиве Ильи Зданевича в Париже. Элен Дуар-Зданевич (последняя супруга и муза Ильи) разделила мою радость и обещала подарить заветную тетрадь нашему музею. Слово свое эта замечательная женщина сдержала в том же году.

Но вернемся к январским дням 1913 г. Неугомимый Илья Зданевич решил обратиться к тифлисской общественности, чтобы хоть как-то привлечь внимание к участи Пиросмани и его картин. Он отдал в газету «Закавказская речь» статью, опубликованную 10 февраля 1913 г. Он писал о бедственном положении художника, о необходимости оказать ему помощь, поддерживать заказами, дать ему возможность обзавестись жильем. Он призывал общественность не дать погибнуть картинам, «которые вскоре станут украшением галерей и музеев». «Нужно особенно ценить этот редчайший самородок. Равнодушие было бы слишком крупным преступлением». И. Зданевич буквально взывал: «Кто знает о том, что в Тифлисе есть художник, обладающий исключительным талантом, которому по праву принадлежит исключительная слава... В его сценах велико-

лепен дух расы, родные типы и мотивы. Только народ с богатым культурным прошлым мог родить его».

Это была первая публикация о Пиросмани.

И.Зданевич был настолько уверен, что появление Пиросмани на московских выставках станет значительным явлением художественной жизни, что уже в первые дни знакомства с художником знал, что повезет его работы на выставку «Мишень». Он действительно повез шесть картин, три из которых были экспонированы (в том числе и его портрет, написанный Пиросмани за 8 рублей за несколько дней января 1913 г.). Прошло сто лет, как Пиросмани впервые выставили рядом с модернистами с 24 марта по 7 апреля 1913 г.

Пиросмани знал от Ильи о будущей выставке и спрашивал у него: «Когда выставка? Если бы вы дали мне комнату, полотна, я бы вам за месяц написал 10-15 полотен, лучшие, чем те, которые есть».

Российские друзья Ильи Зданевича уже знали о Пиросмани. Михаил Ларионов видел картины, привезенные из Тифлиса Михаилом Ледантю, и признавался: «Мы так его полюбили». Он называл грузинского самоходка «чудесным» и «необыкновенным».

От художницы В.Е. Пестель, в молодости примыкавшей к ларионовской группе художников, пошла традиция сравнивать Пиросмани и Анри Руссо: «Он же совершенный француз... кто-то говорит, что он лучше Анри Руссо, искреннее и сильнее, разнообразнее».

Огорченный и возмущенный равнодушием соотечественников, И.Зданевич публикует новую статью о Пиросмани в газете «Восток» (номер от 29 июня 1914 г.) и вновь призывает помочь художнику. Не услышанный в 1913 г., Илья в своей статье уже более резок: «Ублюдки Европы – ваши поэты, живописцы, музыкан-

▼ Н.Пиросмани. «Портрет Ильи Зданевича»

▲ Н.Пиросмани. «Компания Бего»

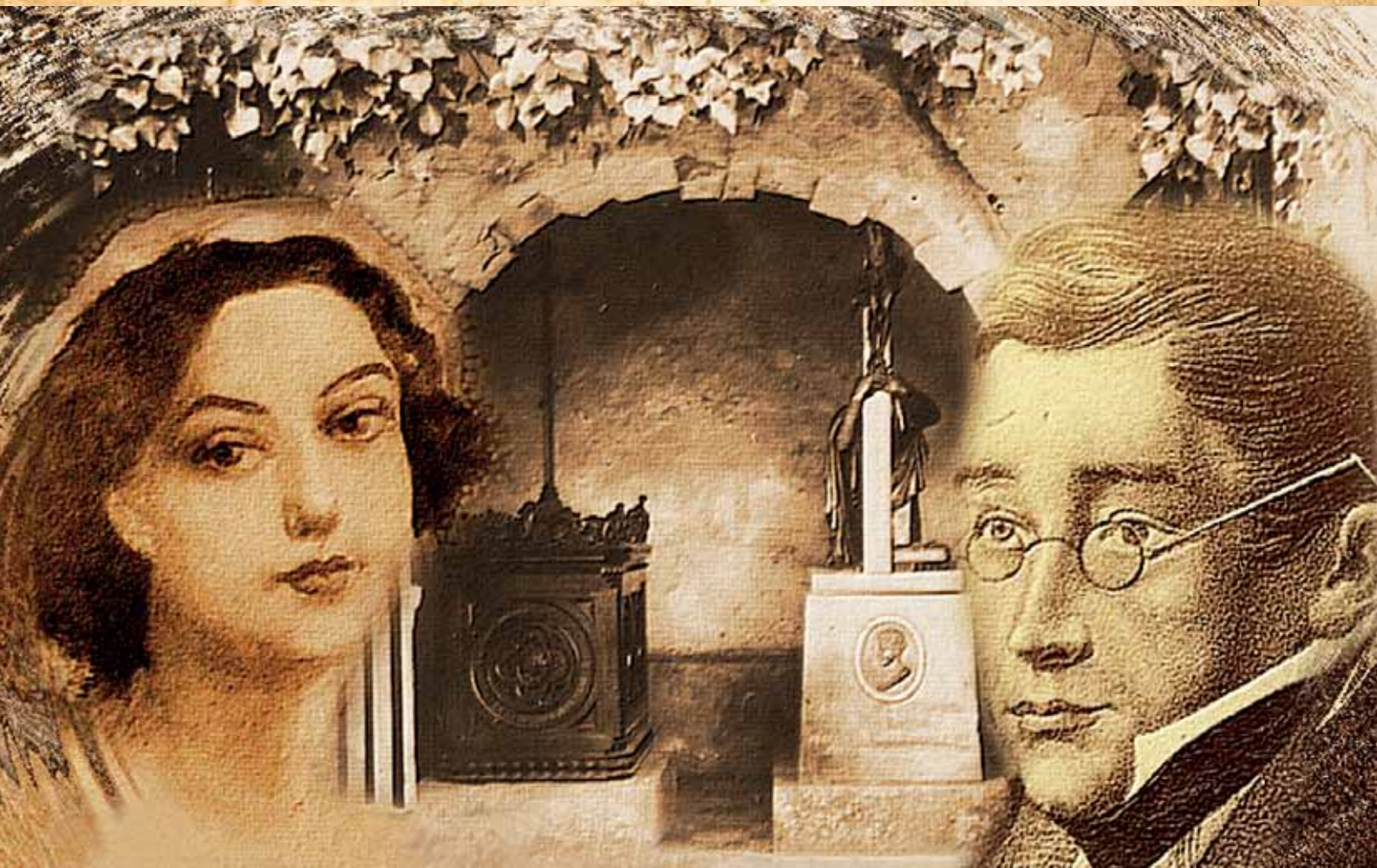
ты, критики и профессора, молодые и старые, не стоят сантиметра его клеенок».

Илья и Кирилл Зданевичи, как и некоторые из их друзей, начали поиски картин Пиросмани, покупали их, несмотря на нужду и скромные финансовые возможности. В результате в их доме собралось несколько десятков полотен художника, составивших основной корпус работ Пиросмани и позже ставших наследием всей Грузии.

Илья Зданевич оставался всю жизнь преданным и восторженным почитателем личности и творчества Пиросмани. Несмотря на активную деятельность в Тифлисе и Петербурге (служба военным корреспондентом, завершение учебы в университете и т. д.), он устроил однодневную выставку 50-ти картин Пиросмани на квартире родителей в Тифлисе 5 мая 1916 г. Кстати, после этой выставки Моисей Тоидзе захотел найти Пиросмани. Их встреча состоялась в доме М.Тоидзе в присутствии членов семьи на Гончарной улице № 32. Пиросмани пришел вместе с художником Гуго Зазиашвили.

В 1926 г. Илья был огорчен тем, что его не привлекли к работе по изданию монографии о Пиросмани. Ностальгия по юности, по Пиросмани заставляла Илью Зданевича обращаться к заметкам о художнике (хранятся в его архиве). Он мечтал о выставке Пиросмани в Париже. В 1971 г. под грифом «Сорок первый градус» в Париже он издал книгу «Бустрофедон в зеркале». Здесь среди других есть строки: «Пиросманашвили / Мой художник / Мои горы / Мои леса / Моя отвага / Все сгнуло».

Ирина ДЗУЦОВА

МНОГОУМЕЩАЮЩИЙ АНГЕЛ

Начинать с нуля всегда трудно. Благо, если у тебя есть наставник. Еще лучше, если у тебя, кроме наставников, есть хорошая генеалогия. У Нины Чавчавадзе и наставники были отменные, и прочно укорененное в грузинскую землю генеалогическое древо. Впрочем, с не шумной, как у других древних грузинских родов, аристократической пышной кроной. По преданиям, дальние предки Нины Чавчавадзе переселились в Кахети из горной Хевсурети и княжеского титула, велением кахетинского царя Константина, удостоились в 1726 году. С этой поры и начался общественно-политический взлет цинандальцев Чавчавадзе во всегрузинском масштабе.

Дедушка Нины, Гарсеван, верной службой при дворе Ираклия Второго наработал себе стойкий авторитет опытного дипломата. Не случайно под текстом Георгиевского трактата 1783 года стоит и его подпись. Аукалась она Гарсевану в течение всей жизни то громкой благодарностью, то недовольным ропотом, причем, одинаково, - как царедворец россиян, так и соотечественников. Пока последние выясняли, благом или злом является вхождение Грузии в состав империи, бывший царедворец Ираклия II, заподозренный в ностальгической верности уже не существовавшему грузинскому престолу, новой властью был вынужден навсегда покинуть родину и поселиться в тамбовском захолустье. Правда, позже вроде как в награду за небесцельно для империи прожитую жизнь, он упокоился в некрополе петербургской Александро-Не-

вской лавры.

Умер Гарсеван Чавчавадзе незадолго до того, как в Тифлисе, 1 ноября 1812 года, родилась его внучка Нина – старшая дочь замечательного поэта-романтика Александра Чавчавадзе.

Александр, единственный сын Гарсевана, был не только отцом четверых детей, слагателем лирических стихов, но еще славным воителем, вольнодумным грузинским патриотом и даже преуспевающим большим чиновником российских императорских окраин. Вырос он в холе и неге, разъезжая по Тифлису в едва ли не единственной тогда на весь город карете, привезенной отцом из Петербурга. Однако, оранжерейное воспитание не помешало семнадцатилетнему юноше в 1804 году примкнуть к восставшим против грубой колонизаторской политики мтиульским горцам и много позже стать участником антимосковского заговора 1832 года. Правда, между этими проявлениями высокого патриотизма пролегла тень причастности поручика лейб-гвардии гусарского полка Александра Чавчавадзе к подавлению восстания в его родной Кахети. С другой стороны, как прикажете вести себя адъютанту кавказского главнокомандующего маркиза Пауллуччи, да к тому же крестнику императрицы Екатерины Второй?!

Кстати сказать, в Кахети один из бунтовщиков нанес поручику Чавчавадзе серьезную пулевую рану, его исцелила уже тогда знаменитая турмандизевская мазь.

▲ В.Можнов. Паскевич-Эриванский на приеме у Аббас-Мирзы

Насколько истории известно, более князь Чавчавадзе никаких ранений ни в подобных операциях, ни в боевых походах не получал. А походы следовали один за другим. Против Наполеона Чавчавадзе впервые отправился в приснопамятном 1812 году и последний победный поход завершил в Париже в чине полковника и в должности адъютанта самого Барклая де Толли. Ниночке к тому времени исполнилось два года, когда овеванный славой и чужеземными ветрами полковник Чавчавадзе воротился домой, милый его сердцу сладко-приятный дым отечества вскорости закружился уже над крышей съёмного флигеля в Сололаки.

По перекинутому через небольшой овраг мостику дети князя – Нина, Катя, Давид – каждый божий день бегали в гости к чудесной женщине Прасковье Ахвердовой, названной маменьке, в письме к которой десяток лет спустя пылко влюбленный в Ниночку жених Александр Грибоедов и свою невесту и себя тоже причисляет к ее потомству. Разумеется, в фигуральном смысле. Надо полагать, что такое прямое, пусть даже символическое родство крепко льстило, можно сказать, самолюбию вдовствовавшей владелицы своеобразного пансиона для великосветской тифлисской детворы: шутка ли – один из светлейших умов России просит руки ее воспитанницы! А Нина свободно изъяснялась на трех языках, прекрасно музицировала, пела, танцевала, рисовала, лицедействовала в домашнем театре, гарцевала на лошади, рукодельничала, обладала определенными способностями в кулинарии...

Александр Сергеевич чревоугодником никогда не слыл. Другие кое-какие грешки за ним водились в молодости. Известен случай, когда корнет Грибоедов на лошади въехал на второй этаж, на бал. А в другой раз сыграл «Камаринскую» во время мессы в польском костеле. Романтическая тема в грибоедовской жизни тоже отнюдь не однообразно уныла. Собственно, изначально покаянным пребыванием Александра Сергеевича на Кавказе,

равно как и появлением в его судьбе Нины Чавчавадзе, мы все обязаны опять-таки женщине. Той самой балерине Авдотье Истоминой, которая – это нам известно еще по Пушкину – искусно владела своим телом.

Но, в итоге, в служебной характеристике, выданной своему подчиненному генералом Ермоловым, тогдашним главноуправляющим, хозяином Кавказа, коротко сообщалось: «Грибоедов во время служения его в миссии нашей при персидском дворе и потом при мне как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет многие весьма хорошие качества».

Хорошие качества Александра Сергеевича очаровали Нину Чавчавадзе задолго до того, как он стал для нее единственным и неповторимым Сандро. Еще в детстве она подпала под неимоверное обаяние автора «Горя от ума». Преподанные им в доме Ахвердовых уроки музыки и французского языка не прошли даром. Нина с каждым годом все больше упрочивала свое положение светски образованной первой красавицы тифлисского бомонда.

Персидский престолонаследник Абу-Мирза имел серьезные намерения, среди прочих грузинских чаровниц, выкрасть княжну Нину Чавчавадзе. Лучше всех свою дочь знал, конечно же, отец. Александр Гарсеванович отводил от дома кандидата в мужья, еще в младенчестве обрученного с Ниной розовошею Иванэ Эристави.

Через всю жизнь пронес трепетную любовь к даме сердца знатный генерал от инфантерии и восторженный одописец Григол Орбелиани. В молодости он был поэтически изыщен: «Нет прекраснее картины,/ Чем цветок в руке у Нины!/ Роза Нины вдохи слышит/ Или роза Ниной дышит?!» В старости Орбелиани был прозаически откровенен, заявляя, что «Нина сводила с ума всех от Петербурга до Исфагана». Трудно ручаться за столь обширную географию поклонников княжны, но то, что под боком у старшего брата такой же безответной любовью мучился и младший брат – известный факт. Правда, Захар Орбелиани, осознав тщету надежд на «чавчавадзевском»

▲ Могила А.С. Грибоедова на Мтацминда

фронте, дабы не остаться холостяком, все-таки выбрал себе другую партию.

Не счесть стихотворных строк, посвященных черноглазой Ниночке в ее нежном догрибоедовском девичестве и долгом двадцативосьмилетнем вдовстве. И авторы тоже самые разные. От безвестного офицера Горюнова, оставившего интересные воспоминания о кисловодских встречах с высокоодухотворенным предметом своего обожания до Лермонтова, одаренного кинжалом и воспевшего «лилейную» руку дарительницы.

«Каждый день, с восходом солнца я отправлялся в местный ботанический сад, покупал великолепный свежий букет самых лучших цветов, который вручал швейцару для передачи Нине Александровне», - это офицер Горюнов.

«Да, я не изменюсь и буду тверд душой, / Как ты, как ты, мой друг железный», - это Михаил Юрьевич Лермонтов. Он остался тверд душой до гибельного конца. Может быть, перед ним стоял пример Грибоедова и женщины - «черной розы» Тифлиса», почти три десятилетия появлявшейся на людях в платьях с неизменным траурным отливом. Нина Чавчавадзе не переставала всех восхищать твердой верностью своему трагическому браку, но более всего - жертвенной красотой души. Тело наше человеческое - храм. Душа - внутрихрамовый огонь жертвенника.

У каждого человека свои жертвоприношения. Нина Чавчавадзе возложила на алтарь собственную вдовью жизнь. Быть может, она хотела до последнего мгновения оставаться так нравившейся Грибоедову пречистой Марии в грузинский удел Божьей Матери. Быть может, она хотела забыть оброненное Грибоедовым в Сионском соборе обручальное кольцо и помнить обоих погибших Александров - мужа и сына. Забота Нины о месте их последнего упокоения стоит отдельного разговора.

Склеп на Мтацминда принял законченный сегодняш-

ний вид лишь к концу тридцатых годов позапрошлого столетия. Доставленный из Петербурга памятник работы скульптура Кампиони воздвигли на могиле только после настойчиво-долгих уверений экзарха Грузии и городского чиновничества в том, что «громáдное сооружение» не разрушит стоявшую в достаточной отдаленности церковь Давида. Проницательное великодушие Нины запечатлено в редкой по многосмысловой лаконичности надгробной эпитафии. Молодая вдова, возможно, знакомая с пушкинской характеристикой Грибоедова («один из самых умных людей в России»), предвидя общероссийское признание его заслуг, себя - увы, несостоявшуюся великую музу гения - пожалела со всей силой нерастратенного супружеского чувства: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».

После гибели Грибоедова истрадавшаяся Нина Чавчавадзе все же смогла ангелом-хранителем вновь воспарить над многочисленной родней, над старыми и новоприобретенными друзьями, над нуждавшимися в ее бескорыстной помощи знакомыми и незнакомыми людьми. Любой эпитет, любая метафора, наверное, лишь в малой мере способны создать истинное представление о духовном величии и душевной доброте этой необыкновенной женщины. И все-таки, мне очень нравится несусальный образ, который, горюя о родной сестре, поразительно точно вкрапила в горькое сообщение генералу Муравьеву-Карскому княгиня Екатерина Чавчавадзе-Дадияни: «Дорогой и многоумещающей сестры моей Нины уже нет. Я лишилась моего ангела...»

Нина Чавчавадзе-Грибоедова умерла 28 июля 1857 года в неполные сорок пять лет в Тифлисе от холеры. Она не захотела спасаться в Цинандали. Выживала больных родственников и заболела сама.

На Мтацминду Нину вознесли на руках.

Вахтанг БУАЧИДЗЕ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Личные библиотеки выдающихся деятелей науки и искусства представляют значительный интерес для изучения. Весьма показателен самый состав входящих в них материалов. Но особенное значение имеют сделанные в книгах пометки, которые в какой-то мере раскрывают вкусы и круг интересов, литературные взгляды и метод работы их владельцев.

Поэтому большую ценность представляет личная библиотека Ильи Чавчавадзе, писателя, который в течение многих лет стоял в центре литературной и общественной жизни своей страны.

Книги, принадлежавшие Илье Чавчавадзе, хранятся в Национальной Парламентской библиотеке Грузии, куда они были переданы в 1937 году. Библиограф Тамара Мачавариани, составившая каталог, писала в предисловии, что состав библиотеки далеко не полный. Действительно, в последующие годы удалось обнаружить еще значительное число книг, принадлежавших писателю.

Хотя и сейчас библиотека Чавчавадзе не пополнилась еще всеми входившими в нее материалами, но и то что сохранилось представляет большой интерес для изучения. Состав библиотеки показывает разносторонность интересов автора, ибо входящие в нее книги относятся к разным областям науки, общественной и культурной жизни. Значительное место занимают сочинения различных писателей и работы по истории литературы и искусства.

Нас заинтересовали имеющиеся в библиотеке материалы о Шекспире. Известно, что Чавчавадзе преклонялся перед гением английской драматургии. Еще в студенческие годы, вернувшись на некоторое время на родину, он организовал представление живых картин из «Короля Лира». В 1870-х годах вместе с Иванэ Мачабели сделал перевод этой трагедии на грузинский язык. Нередко обращался к образам Шекспира при анализе произведений других авторов, называл его творения как образец подлинного проникновения в человеческую психику.

Сочинения Шекспира представлены в библиотеке далеко не полно: в ней вовсе нет грузинских переводов произведений, а из четырехтомного собрания сочинений на русском языке сохранилось только три. Совершенно очевидно, что у Чавчавадзе должны были быть изданные в его время грузинские переводы и тем более перевод «Короля Лира», над которым он сам работал. Ясно, что за то время пока книги Чавчавадзе поступили в ведение библиотеки, сочинения Шекспира были взяты отдельными читателями.

Обнаруженные на сегодняшний день три тома русских переводов Шекспира содержат 27 произведений. В их тексте есть пометки, которые приводят к заключению, что книги побывали в разных руках. Особенно показательно одно место в тексте второй части исторической хроники «Генрих IV». В третьей сцене четвертого действия подчеркнуты слова любителя выпить и покушать толстяка Фальстафа о том, что у человека, который не пьет вина, не может быть сыновей. К этому месту на полях сделана следующая приписка на русском языке: «Ошибка догадок Шекспира. Я не пьющий вина имею пять сыновей и две дочери». Как известно, у Ильи Чавчавадзе не было детей, так что на слова Фальстафа обратил внимание какой-то другой читатель.

Заметки, сделанные самим Чавчавадзе, хорошо прослеживаются в критической литературе, которая имеет мало читателей. Обычно это линии, проведенные на полях синим или красным, реже черным карандашом; а в самом тексте бывают подчеркнуты слова наиболее важные для смысла, на которые писа-

тель обратил особое внимание. При этом в карандашных отметках чувствуется точка зрения самого Чавчавадзе; они показывают, какие мысли привлекли внимание писателя в плане его собственных эстетических исканий, взглядов на литературу и на человеческую жизнь.

Известно, что пометки в книгах раскрывают облик самого читателя. Вспомним, что у Пушкина Татьяна начинает лучше понимать внутренний мир Онегина, читая книги из его библиотеки.

«Хранили многие страницы/ Отметку резкую ногтей;/ Глаза внимательной девицы/ Устремлены на них живей.../ На их полях она встречает/ Черты его карандаша./ Везде Онегина душа/ Себя невольно выражает/ То кратким словом, то крестом,/ То вопросительным крючком» (глава VII).

В связи с Шекспиром следы карандаша Чавчавадзе встречаются в историях литературы, в работах теоретического характера, в обзорах и разных сборниках. Но особый интерес представляют заметки, которые сделаны в специальном исследовании о Шекспире, написанном известным немецким историком и литературоведом XIX века Георгом Гервинусом. Эта книга, как и другие материалы о Шекспире, представлена в библиотеке в русских переводах.

Книгу Гервинуса Чавчавадзе проштудировал целиком, ибо в последней части есть следы его карандаша. Но пометки встречаются в тексте не равномерно: трагедиям уделено больше внимания, чем комедиям; вовсе нет пометок в главе об английском театре и актерах, но их много там, где дается оценка творчества Шекспира. Внимание Чавчавадзе привлекают проблемы, связанные с историей английской литературы эпохи Возрождения, и общие вопросы искусства. Его интересуют истоки английской драматургии, особенно творчество Кристофера Марло – наиболее видного предшественника Шекспира. Именно он ввел в драматургию тот белый стих, которым написаны произведения Шекспира. Интерес Чавчавадзе к стихосложению вполне понятен, ибо он сам работал над переводом Шекспира и должен был разобраться в особенностях английского стиха.

Преклонение Чавчавадзе перед гением Шекспира чувствуется во многих пометках, сделанных в тексте книги. Шекспир «будет жить вечно юным в своих творениях»; у него господствует «краткость исполненная содержания, достоинство, сообразное с природою»; для него характерно «естественное развитие мысли, полнота чувства, стройность, с которою развивается страсть и движутся ее проявления, словом все, в чем собственно и выражается поэтическая сила». Помимо линий на полях, в тексте подчеркнуто слово «естественное». Этому придает Чавчавадзе особое значение при оценке творчества Шекспира и вообще подлинного искусства.

Кроме общих оценок, в книге отмечены места, где затрагивается вопрос о связи искусства с определенным народом и эпохой: «каждая народность имеет своеобразное развитие, каждый век свою особенность, каждое предание – свои права».

В нескольких местах книги выделены суждения о пути развития молодого писателя, в котором борются заблуж-

дения молодости и природный талант. «На юношество громкие слова производят более героическое впечатление, нежели простое величие Гомера»; «мы не должны забывать, что начинающий поэт всегда склоняется к вкусу публики, что в начале своей деятельности он более принимает в расчет сочувствие массы читателей, нежели требования художественного идеала»; но настоящий талант находит свой истинный путь «под руководством счастливого поэтического инстинкта».

Среди сделанных в книге пометок, можно выделить еще места, содержащие мысли о человеке, его судьбе, о любви, ревности и др. Чувствуется характер и нравственный облик самого Чавчавадзе в подчеркнутых им фразах, что «слабость характера есть порок», что «человек выходит из рук природы одинаково одаренный и для добра, и для зла». Задача человека выдержать жизненные испытания, выбрать правильный путь; активность – необходимое условие формирования личности, ибо «человек повсюду является сам слагателем своей судьбы».

Так пометки в работах об эпохе Возрождения в Англии отображают взгляды самого Чавчавадзе, его мышления об искусстве и литературных принципах, о судьбе человека и проблемах его жизни, которые Шекспир с такой убедительностью представил в своих великих творениях.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

ЧЕХОВ НАЧИНАЛСЯ ЗДЕСЬ

▲ Домик А.П. Чехова в Таганроге

Не думала я, тогда школьница-старшеклассница, которой преподаватель литературы 56-й средней школы г.Тбилиси, Сергей Георгиевич Амзоев поручил подготовить доклад к чеховскому юбилею, что спустя годы окажусь в городе Таганроге, где родился и вырос великий писатель. Полюблю этот милый провинциальный город со старыми, из XIX века, колодцами во дворах, ажурными козырьками над крылечками, глазастыми домами с распахнутыми днем зелеными ставнями – настоящий «городок в табакерке», как называют его старожилы.

Вот в таком маленьком белом домике в три комнатки родился 17 января 1860 года Антон – третий мальчик в семье купца Павла Егоровича Чехова и Евгении Яковлевны Морозовой, дочери торговца сукном. Этот маленький глинобитный домик на бывшей Полицейской, а ныне улице Чехова, нам всем дорог особенно. Здесь уже в 1910 году появилась мемориальная доска.

Тесненное жилье живо передает интересы хозяев дома – религиозные: в каждой комнатке – иконы; профессиональные – конторка со счетами – неременный атрибут торговли; начищенный до блеска самовар – символ домашнего уюта и гостеприимства; вязанные крючком белые скатерти; подзоры на кроватях; занавески на окнах – чисто, опрятно, красиво, ничего лишнего, и все своими руками (сестра хозяйки – Федосья Яковлевна, была отменной рукодельницей, и это все – ее лепта в быт семьи).

Торговал отец в своей лавке всем, что появлялось в Таганроге, но дневной доход был грошовый. Павел Егорович изо всех сил пытался быть коммерсантом, а по духу был эстетом, музыкантом, художником. И сыновья унаследовали его таланты. Дочь Машенька прекрасно играла на скрипке и фортепьяно, в будущем, отказавшись от личного счастья, полностью посвятила себя Антону, как позднее выяснилось, самому талантливому. А тогда... Сколько раз, глотая слезы и мучаясь из-за невы-

ученного урока, Антон спускался в лавку, где в качестве приказчика взвешивал фунт сахара, заворачивал селедку в вощеную бумагу, лихо щелкал на счетах.

Вот и перешли мы плавно к следующему этапу жизни семьи. Сегодня это Гоголевский переулок, центр Таганрога.

«В то время, - вспоминал брат писателя Михаил, - мы жили в доме Моисеева, на углу Монастырской улицы и Ярмарочного переулка, почти на самом краю города... Над входом в лавку помещалась вывеска «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары», немного ниже – «Распивочное и на вынос». Это означало наличие при лавке погребка с сантуринским и водкой. Переезд сюда был обусловлен двумя причинами: появившейся железной дорогой и разросшейся семьей. Настоящий двухэтажный особняк. На втором этаже располагалось семейство, внизу – торговая лавка. Здесь можно было купить все что угодно: перец и фрукты, сельдь из бочки, сахар головами, редкие французские духи соседствовали с «конфетками», и те впитывали тонкий заморский аромат, от булавки до пуговицы для сюртука. Здесь же и сегодня, у стены, стоит столик, за которым неспешный покупатель мог заказать штоф водки и за стопочкой обсудить с хозяином последние газетные новости».

Посетителям музея представлена экспозиция старинного торгового помещения с прилавками, товарами, интересными предметами быта XIX века. Восстановлены подсобные помещения и жилые комнаты семьи Чеховых.

В лавке проходили разные посетители. Живой, наблюдательный мальчик, как губка, впитывал их повадки, манеры, разговоры... Он был блестящим импровизатором и быстро менял облик и интонации, становясь то чиновником, то профессором, то врачом или архиереем. Многие из них впоследствии стали прототипами его будущих героев.

Бережно хранят в музее, пожалуй, самый ранний автограф гимназиста 4-го класса А.Чехова, расписавшегося за отца в получении повестки о выборах купеческого старосты. В гостиной на стене – портрет мальчика в красном (так хочется думать, что это Антоша Чехов в костюме). Дети часто разыгрывали миниспектакли, и Николай Чехов, повинувшись художественному наитию, вполне мог нарисовать брата.

В гостиной на стене натюрморт с цветами. Так и видится...

...Спиной к окну, так, чтобы свет падал на полотно, с кистью в руке стоял старший брат Антона – Николай.

На письменном столе, в довольно широкой, как бы сплюснутой с двух сторон, вазе нежно светились розы, видно, недавно срезанные.

- Как здорово! - с восхищением воскликнул Антон, - как красиво! И как это у тебя так дивно получается... Как у настоящего художника.

- Сам не знаю, - ответил Николай, - прямо руки зачесались, так захотелось их нарисовать. Представляешь, в жизни через пару дней они завянут, а вот на бумаге, если нарисованы хорошо, будут долго! Вот я, если родители согласятся, иду в Москву учиться на настоящего художника, а ты, Антон, как помотришь на рисунок, меня вспомнишь...

- Не уезжай, Коля, - попросил Антон, - мне без тебя плохо будет.

Братья знали – Антон говорит правду. Сколько раз, бывало, набедакурит Антон, и справедливая отцовская расправа нависнет над ним, как дамоклов меч, а Коля что-нибудь такое скажет к месту, глядишь, угроза миновала. Но не всегда защита срабатывала: уж больно суров и непреклонен характер отца. Уж больно он горяч.

В столовой – старинная мебель, уникальные документы 1890-х годов: выданное П.Е. Чехову разрешение построить свой дом, свидетельство о награждении его серебряной медалью.

В то время в торговле тон задавали богатые греки. Чтобы попасть к ним на службу, надо было знать греческий язык. Поэтому Павел Егорович отдал сыновей сначала не в гимназию, а в греческую школу. Но обучение там было неважное, в 1868 году отец определил Антошу в гимназию.

Основанная в 1806 году Таганрогская мужская гимназия была одним из старейших учебных заведений на юге России. Сегодня здесь третий по счету музей Чехова (условно назовем его так) из музейного комплекса.

Дети в семье Чеховых всегда были предельно заняты: работа в лавке, спевки и репетиции в церковном хоре отнимали много времени, мешали учебе. А когда в Таганроге открыли бесплатные ремесленные курсы, где после занятий могли обучаться и гимназисты, Павел Егорович определил на курсы сыновей, полагая, что ремесла всегда дадут верный заработок: Иван учился переплетному делу, Николай и Антон – сапожному и портняжному.

На гимназию сил почти не оставалось, но надо было стараться и тут. Тем более порядки были весьма строгие, требования высокие, надо было соответствовать. А это не всегда удавалось.

С учащихся, что называется, глаз не спускали. «Глаз да глаз» за гимназистами был поставлен продуманно: окошечки, сделанные в дверях классных комнат наподобие тюремных глазков, позволяли надзирателям незаметно следить не только за учениками, но и за либерально настроенными учителями. Не раз отсиживал Антон наказание в холодном карцере, и только бой на-

▲ Композиция «Толстый и тонкий»

стенных часов помогал определять время. Часы до сих пор «живы», как «жив» и карцер – маленькая пустая квадратная комнатенка с одним оконцем, выходящим в вестибюль, и единственным стулом для нарушителя, чтобы «посидел – подумал».

Чехов учился средне. Законоучитель гимназии протоиерей Ф.Покровский, любивший Антона, тем не менее пророчил будущность только старшему сыну в семье – Александру. Но именно он наградил Антона смешным именем «Антоша Чехонте», которое впоследствии писатель сделал своим литературным псевдонимом.

Школьники, приходящие в музей на экскурсии, любят разглядывать парту, за которой сидел Антон и которая так не похожа на современную в школьном классе.

Именно в гимназии началось повальное увлечение братьев Чеховых театром, который был и остается гордостью таганрожцев.

Обычно Антон занимал галерку, и теперь об этом напоминает другая мемориальная табличка. «Театр давал мне когда-то много хорошего... Прежде для меня не было большего наслаждения, как сидеть в театре», - писал Чехов.

Покровский, к счастью, ошибся. В семье Чеховых состоялись один художник, один писатель, три преподавателя, один биограф, но тогда Антону «неблагополучные» слова о его будущем были как с гуся вода. Не раз его ругали за разгильдяйство, за манкирование обязанностями гимназиста.

В книге брата Михаила «Вокруг Чехова» говорится о том, что, уже будучи очень известным писателем, Антон вместе с петербургским адвокатом Коломнинным, также окончившим курс таганрогской гимназии, послали протоиерею Покровскому в подарок серебряный подстаканник. Тот, польщенный, поблагодарил и попросил выслать ему свои сочинения. «Поброунсекарствуйте старику», - писал он (Броун Секар – изобретатель омолаживающей жидкости). Антон Павлович выслал ему свои «Пестрые рассказы», на заглавном листе которых стояло: «А.Чехонте».

Городская библиотека нам интересна тем, что Антон Павлович, уже будучи великим писателем, прислал сюда свое собрание книг.

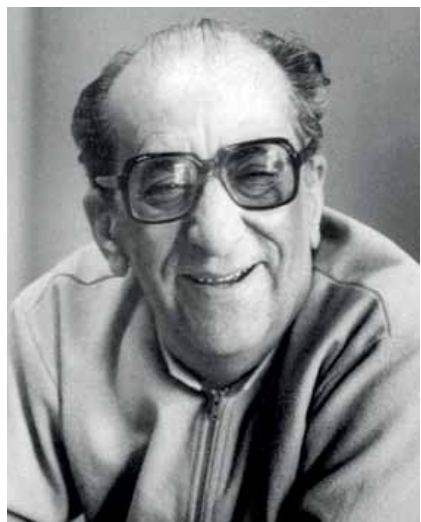
Он считал своим долгом заботиться о городе, где родился и вырос, Таганрог отвечает ему взаимностью: заботливо бережет все, что связано с жизнью писателя.

Приезжайте в Таганрог, я буду вашим гидом!

Елена НАЦВЛИШВИЛИ

▲ Натела Товстоногова

▲ Георгий Товстоногов

▲ Евгений Лебедев

ТАКИХ ЛЮДЕЙ НЕ ЗАБЫВАЮТ

Не стало Нателы Товстоноговой.

Сестра великого режиссера Георгия Товстоногова, жена великого артиста Евгения Лебедева, она была их музой и вдохновительницей. И сегодня без нее трудно представить историю Большого драматического театра.

Она была не только воплощением Петербурга, но и олицетворением Тбилиси, и всю жизнь несла в себе два начала – северное и южное, рациональное и эмоциональное. Ее требовательность и непоколебимость были притчей во языцех, но также хорошо была известна ее удивительная способность понимать и прощать – щедро, без оглядки.

Привязанность к Грузии Натела Александровна сохранила на всю жизнь. Здесь она родилась, здесь прошли ее детство и юность, здесь она встретила Евгения Лебедева.

В 1937 году отца, потомственного русского дворянина, инженера-железнодорожника, репрессировали как японского шпиона. Спустя время Георгий Товстоногов переехал в Москву, а затем в Ленинград, и сестра последовала за братом. Кстати, мать Нателы и Георгия, певица Тамара Папаташвили, так и не покинула Тбилиси. Переезд в северную столицу дался Нателе очень тяжело. Два года подряд каждую ночь ей снилось синее грузинское небо. Спасало то, что они жили в театральном общежитии, а там ситуация чем-то напоминала ей Тбилиси – жили открыто, одной большой дружной семьей. И когда позднее им дали квартиру, она показалась Нателе каменной тюрьмой.

«Вообще грузины – народ, не приспособленный к перемене мест, особенно к эмиграции, - говорила она. - И я до сих пор регулярно езжу в Тбилиси, скачаю по друзьям и близким, по городу, где родилась и жила, где училась».

Она была большим другом Грибоедовского театра. Дружба такого человека дорогого стоит, и грибоедовцы платили ей сердечной взаимностью. Здесь Нателу Товстоногову ценили и любили: не за уникальную биографию, а за редкий шарм, яркий характер, светлую душу. Такой ее и запомнят.

*Родным, близким,
коллективу БДТ им. Г.А. Товстоногова*

*Друзья, коллеги!
Глубоко скорбим по поводу кончины Нателы Александровны Товстоноговой – нашего доброго и любимого друга.
С горечью и болью убеждаемся, что незаменимые есть.
Ушла Натела Александровна, и с ней ушел стиль – товстоноговский.*

Нам будет недоставать ее прямоты и резкости, искренности и надежности, преданности и доброты.

Ее образ навсегда останется в нашей памяти, а ее имя будет вписано в историю Большого драматического театра. Она всегда была рядом с двумя гениями, и если ее брат и муж творили шедевры, то она создавала атмосферу, в которой эти шедевры рождались.

*Таких людей не забывают.
Светлая память!*

*Коллектив Тбилисского государственного академического
русского драматического театра им. А.С.Грибоедова*

1512-2972